

Фрэнк Макгиннесс

НЕВИННОСТЬ

Frank McGuinness

INNOCENCE

© 1987

Перевод с английского

Павла Шишина

pavel.shishin@gmail.com

www.pavelshishin.ru

Филипу Тиллингу и Патрику Мейсону

Действующие лица

Жизнь и смерть Микеланджело Меризи, Караваджо

Караваджо, Микеланджело Меризи, художник

Лена, подруга Караваджо

Потаскуха, подруга Лены

Антонио, уличная проститутка

Лючио, уличная проститутка

Кардинал, покровитель Караваджо

Слуга кардинала

Брат Караваджо, Джованни Баттисти

Сестра Караваджо, Катерина

Жизнь

Музыка: «Вечерня Пресвятой Девы» Монтеверди.

Персонажи стоят, образуя круг.

Со стороны, ковыряя пальцами череп, за ними наблюдает Караваджо. Словно ребёнка, ласкает красный плащ Лена. Антонио и Лючио ласкают друг друга. Раскачиваясь взад и вперёд, рыдает Потаскуха. С гостией в руке поёт офферторий¹ Тридентской мессы² Кардинал. У ног Кардинала стоят на коленях Слуга и Брат. Сестра, читая подряд одну и ту же молитву, проходит сквозь круг.

СЕСТРА. Господи, отверзи уста мои, и уста мои возвестят хвалу Твою. Не удаляйся от меня, Господи; Господи, поспеши на помощь мне!

Обернув вокруг себя красный плащ, Лена принимается утешать Потаскуху. Антонио и Лючио целуются. Величественно воздевает руку с гостией Кардинал. Перед ней простираются ниц Слуга и Брат. Караваджо поднимает череп. Лена срывает с себя плащ. От одного к другому перелетают звуки, напоминающие латинские слова мессы. Плащ растягивается по кругу. Шум нарастает, разрешаясь звериным криком, и вдруг оборачивается ржанием обезумевшего коня. Плащ начинает дико скакать между людьми. Караваджо, подойдя к коню из плаща, протягивает к дикой фигуре череп. Караваджо касается черепом фигуры. Фигура визжит. В ярости она обвивается вокруг Караваджо. Сыплются удары. Караваджо с криком падает. Тьма.

Свет. Лачуга. Лена разглядывает красный плащ. Караваджо спит, на глазах у него повязка. Рядом на полу валяется череп. Караваджо испуганно просыпается.

КАРАВАДЖО. Где я?

ЛЕНА. Выходит, снова среди живых?

КАРАВАДЖО. Что ты нацепила мне на глаза, женщина?

ЛЕНА. То, что тебя излечит. Чего?

КАРАВАДЖО. Ничего.

ЛЕНА. Моему козлику приснился дурной сон?

Караваджо сплёвывает.

Какой обидчивый!

---

¹ **Офферторий** – приношение даров как один из разделов католической мессы, а также исполняющееся при этом песнопение (чаще всего небольшой фрагмент из Псалтири). (Здесь и далее – примечания переводчика.)

² **Тридентская месса** – одно из названий Евхаристической литургии римского обряда, использовавшегося Католической церковью с 1570 по 1964 гг.

Караваджо шарит по полу в поисках кружки с вином. Лена отбрасывает плащ в сторону.

Ну, лучше не бывает. Надо вложиться в новый плащ. Я не могу этот чинить без конца. Он старее меня самой. Всякий раз, как ты увлечёшься каким-нибудь сраным Иоанном Крестителем, я у тебя вижу одну и ту же накидку для мудей, меня уже тошнит от неё. Тебе надо научиться шить, понял?

Караваджо находит кружку.

За стакан можно было бы и не хвататься. *(Тянется за зеркалом.)*

КАРАВАДЖО. Налей, а?

Молчание.

Лена?

Молчание.

Лена, ты где?

Молчание.

ЛЕНА. Господи, я старею.

КАРАВАДЖО. Стареешь?

ЛЕНА. Старею. В морщинах. Развалина. *(Ждёт.)*

КАРАВАДЖО. Да.

ЛЕНА. Не такая уж и развалина!

КАРАВАДЖО. Да. Налей мне вина.

Молчание.

Слушай, я честно плачу за свою долю бухла в этой конуре. Где оно?

ЛЕНА. Спрятала.

КАРАВАДЖО. Спрятала? Принеси.

ЛЕНА. Подождёшь. Не получишь ни капли, пока не сделаешь комплимент. Делай.

КАРАВАДЖО. Ты роскошно выглядишь.

ЛЕНА. Нет. Неправда. Я выгляжу старухой. Я старая.

КАРАВАДЖО. Господи, храни меня!

ЛЕНА. Стареть – это ужасно.

КАРАВАДЖО. Господи, спаси меня!

ЛЕНА. Ты не замечаешь, как оно происходит, а оно происходит.

КАРАВАДЖО. Ещё бы. Ты, детка, тут не одна такая.

ЛЕНА. Заткнись, Лелло! Послушай меня. (*Садится рядом с Караваджо.*)

КАРАВАДЖО. Ладно, поехали.

ЛЕНА. Я сегодня была на пьядца Навона, видела карлицу.

КАРАВАДЖО. Меня зовут Микеланджело Меризи.

ЛЕНА. У неё был горб, у карлицы.

КАРАВАДЖО. Микеланджело Меризи да Караваджо. (*Гладит Лену по спине.*)

ЛЕНА. Клянусь Господом, я смотрела на неё, и она была счастливее меня – с её-то горбом и вообще.

КАРАВАДЖО. Микеланджело – от ангела, а не от этого флорентийского мошенника-хренососа.

ЛЕНА. Никаких забот, ни морщинки у неё на лице. Знаешь, почему? Да какой мужчина хоть что-нибудь значил для такой женщины?

КАРАВАДЖО (*поглаживая лицо Лены*). Меризи – от моей семьи, а Караваджо – от места, где родился мой отец.

ЛЕНА. Я мужчин не виню. Я веду жизнь такую, какую хочу, но эта карлица, она была б точно так же довольна жизнью в монастыре, как и я. Я – и довольна? Где б я могла быть довольна, Лелло?

КАРАВАДЖО (*продолжая гладить лицо Лены*). Я пишу руками, ибо Господь предназначил глаза, чтобы видеть, а видеть – значит быть Господом, ибо значит видеть Господа.

ЛЕНА. Надо было мне уйти в монастырь.

Караваджо обнимает Лену.

КАРАВАДЖО. Во всём Риме я единственный художник, провидец и прорицатель, не имеющий равных великий истолкователь человека.

ЛЕНА. В монастыре я была бы счастливее.

Отталкивает Караваджо. Тот воздевает руки.

КАРАВАДЖО. Я беру обычную плоть, обычную кровь, обычную кость и своими двумя руками превращаю в вечный свет и вечную тьму.

ЛЕНА. Всё лучше, чем эта дыра.

КАРАВАДЖО. Ибо в моём искусстве вровень соединилось прекрасное и уродливое, праведное и грешное.

ЛЕНА. Интересно, в монастыри принимают карлиц? (*Кладёт голову на колени Караваджо.*)

КАРАВАДЖО. Я – великий Караваджо, и я буду нести эту хрень сколько придётся, пока мне, блядь, не нальют выпить. (*Целует Лену.*)

ЛЕНА. В том смысле, что я, конечно, не карлица, но порой я себя так чувствую, будто у меня горб. Может, не слишком поздно ещё стать монашкой? Я сходила с ума по Богородице, когда была маленькой. Боже мой, представляешь? Я воображала себя её дочерью, а Иисус был настоящий задира, который всегда меня мучил. Такая невинность!

КАРАВАДЖО (*проводя руками по телу Лены*). Я пишу то, что вижу при свете, и то, что воображаю себе в темноте, ибо при свете я вижу плоть, вижу кровь, вижу кость, но во тьме я воображаю себе душу, и лишь душа есть проявление Господа в человеке, и это я являю Господа миру, а Господь являет миру мои картины.

ЛЕНА (*садится*). Боже милосердный, о чём ты разглагольствуешь, Лелло!

КАРАВАДЖО. Я – Микеланджело Меризи да Караваджо. Кретины, которые зовут меня Лелло, даже не подозревают, что тот, с кем они смеют быть накоротке, работает своими собственными руками, пишет своими собственными руками, а руки его – это руки самого Господа.

ЛЕНА. Лелло, мне уйти в монастырь?

КАРАВАДЖО. Там исправляют горбатых? (*Смеётся.*)

Лена подходит к нему.

Что ты делаешь?

Лена запускает руку в штаны Караваджо.

Что ты делаешь?

Лена принимается мастурбировать Караваджо.

Терпеть не могу, когда женщины это делают.

ЛЕНА. Я – Микеланджело Меризи да Караваджо.

КАРАВАДЖО. Ради Бога, Лена.

ЛЕНА. Мой гений признан всем Римом.

КАРАВАДЖО. Я беззащитный человек.

ЛЕНА. Я Микеланджело Меризи и я задрот.

КАРАВАДЖО. Лена.

Лена грубо дёргает Караваджо за член. Караваджо взвизгивает.

ЛЕНА. Это была десница Господня.

КАРАВАДЖО. Ты грубая женщина.

ЛЕНА. Приходится. Кому за меня вступиться? Вот что бывает, когда всю жизнь у тебя нет мужа.

КАРАВАДЖО. У такой красивой женщины, как ты?

ЛЕНА. У такой красивой женщины, как я.

КАРАВАДЖО. Нет мужа?

ЛЕНА. Нет.

КАРАВАДЖО. Ты не замужем?

ЛЕНА. Нет. Никогда не была.

КАРАВАДЖО. Хочешь?

ЛЕНА. Замуж?

КАРАВАДЖО. А что?

ЛЕНА. Не знаю. *(Наливает себе и Караваджо вина.)*

КАРАВАДЖО. Опасная она всё-таки, эта игра.

ЛЕНА. А мне нравится. Дальше. Держи вино. Дальше.

КАРАВАДЖО. Ты же знаешь, куда это заведёт.

ЛЕНА. Слушай, это предложение или нет?

КАРАВАДЖО. А ты как думаешь?

ЛЕНА. Как-то неожиданно. В том смысле, что я с тобою едва знакома. Лучше б сводил меня погулять для начала.

КАРАВАДЖО. Куда?

ЛЕНА. Лишняя осторожность девушке не помешает. Расскажи о себе. Родные твои, они кто? Кто твой отец?

КАРАВАДЖО. Умер. Он умер.

ЛЕНА. А мать?

КАРАВАДЖО. Умерла.

ЛЕНА. Ты из Рима?

КАРАВАДЖО. Нет. Из Караваджо. Пришлось уехать.

ЛЕНА. Чего ради?

КАРАВАДЖО. Посмотреть мир.

ЛЕНА. Зачем?

КАРАВАДЖО. Что?

ЛЕНА. Смотреть.

КАРАВАДЖО. Я люблю смотреть.

ЛЕНА. Я тебе верю, ходим куда-нибудь?

КАРАВАДЖО. Куда?

ЛЕНА. Туда, где мы будем одни. В какое-нибудь укромное место. Какое-нибудь красивое.

КАРАВАДЖО. Есть один лес.

ЛЕНА. Лес, да.

КАРАВАДЖО. Там очень темно. Тебе будет страшно?

ЛЕНА. Да, но я люблю темноту.

КАРАВАДЖО. Я люблю этот лес, пусть даже в нём темно, всё равно там всегда всё видно.

ЛЕНА. Зверей.

КАРАВАДЖО. Птиц.

ЛЕНА. Деревья.

КАРАВАДЖО. Листья.

ЛЕНА. Ты видишь их?

КАРАВАДЖО. Да.

ЛЕНА. Знаешь, как они называются?

КАРАВАДЖО. Иногда. Ты хочешь детей?

ЛЕНА. Сколько?

КАРАВАДЖО. Десять?

ЛЕНА. Двадцать.

КАРАВАДЖО. Сто?

ЛЕНА. Тысячу.

КАРАВАДЖО. Миллион.

ЛЕНА. Одного.

Молчание.

Хватит.

КАРАВАДЖО. Как его зовут?

ЛЕНА. Не сегодня. Перестань.

КАРАВАДЖО. Ладно.

Молчание.

ЛЕНА. Ты на охоту сегодня?

КАРАВАДЖО. Да, надо бы. Его преосвященство опять рогом трясёт. Я плохо себя веду.

ЛЕНА. То есть?

КАРАВАДЖО. Пренебрегаю им.

ЛЕНА. Каким образом?

КАРАВАДЖО. То одно, то другое.

ЛЕНА. Ты осторожнее там. Всё идёт хорошо. Нам нужно финансовое благословение отцов церкви.

КАРАВАДЖО. Нам?

ЛЕНА. Нам, дорогой. Помягче с кардиналом-то, мальчик. Там у тебя и сыр к хлебу имеется.

КАРАВАДЖО. Я буду делать что захочу, где захочу и когда захочу.

ЛЕНА. С камнем проще договориться.

КАРАВАДЖО. Это уж точно.

*Входит Потаскуха, отмечая повисшее молчание. Молчание затягивается.
Караваджо ковыряет пальцами череп.*

ПОТАСКУХА. Обожаю приходить в этот дом. Вы такие всегда любезные.

КАРАВАДЖО. Помни, женщина, ты есть прах и в прах возвратишься.

ПОТАСКУХА. Повязка тебе к лицу. Вот бы тебе для рта ещё одну завести. О, это что, вино?

КАРАВАДЖО. Дамочка, я б не налил тебе своего вина, даже если бы в нём был яд.

ПОТАСКУХА. А я б на тебя и не поссала, даже если б ты загорелся.

ЛЕНА. Жаль прерывать столь искромётный остроумный разговор, но всё-таки ты здесь зачем?

ПОТАСКУХА. Не могла бы ты как-то мне одолжить...

ЛЕНА. Нет.

ПОТАСКУХА. Ты же не знаешь, чего я прошу...

ЛЕНА. Денег. Ничего не получишь.

ПОТАСКУХА. Не надо мне денег. Я хочу одолжить у тебя золотую ленту. Которую он тебе подарил.

ЛЕНА. Это моя самая лучшая вещь.

ПОТАСКУХА. Не будь такой эгоисткой. Когда ты в первый раз вышла на улицу, я была тебе вместо матери.

ЛЕНА. Ты обирала меня до последнего гроша, на который только могла наложить руку.

ПОТАСКУХА. Правильно. Деньги молодых портят. Любая мать это знает. Одолжи ленту.

ЛЕНА. Нет.

ПОТАСКУХА. Дай тогда выпить.

КАРАВАДЖО. Нет.

ПОТАСКУХА. У меня складывается впечатление, что мне здесь не рады.

КАРАВАДЖО. Помни, женщина, ты есть прах и в прах возвратишься.

ПОТАСКУХА. Может, ты прекратишь повторять это мне раз за разом?

КАРАВАДЖО. Помни, женщина, ты есть прах и в прах возвратишься.

ПОТАСКУХА. Было б больше проку, если б ты прочитал молитву.

КАРАВАДЖО. Ты Благодатная, и Господь с Тобою! Благословенна Ты между жёнами.

ПОТАСКУХА. Благословенна. Я знала, я знала. Благословенна.

Молчание.

КАРАВАДЖО. В чём разница между тобой и бочкой дерьма?

ПОТАСКУХА. В чём?

КАРАВАДЖО. В бочке.

ПОТАСКУХА. Тешься, тешься, Господь тебя видит. Он тебя слышит. Не будет мне ленты?

ЛЕНА. Не будет.

ПОТАСКУХА. Ладно. Слава Богу, что я не попросила взаймы платье. Разве угадаешь, когда он захочет его надеть. Будь умницей, Лена. Что ещё тебе остаётся с такими, как он? Оставляю святое семейство с миром.

КАРАВАДЖО. Чтоб ты подохла в корчах.

ПОТАСКУХА. Чао! (*Уходит. Молчание.*)

КАРАВАДЖО. Когда уже можно снять с моих глаз эту ебучую тряпку?

ЛЕНА. Когда я скажу. Мне пришлось отсосать всему Риму, чтоб добыть нужные травы. Прошлый раз тебе не хватило терпения спокойно полежать в темноте и вылечить их хотя бы наполовину. Ты может и нет, а я свой урок затвердила. Приходит ко мне в слезах. Я слепну, Лена. Я не смогу видеть. Я не смогу писать. Что с нами станет?

КАРАВАДЖО. Я, блядь, вообще-то художник, причём великий.

ЛЕНА. Говёшка ты сраная, причём большая.

Караваджо пробует сорвать с глаз повязку.

Ну-ка не суй свои лапы к повязке, пока я не разрешила, предупреждаю!

Караваджо, стянув с глаз повязку, кричит от боли.

КАРАВАДЖО. Жжёт!

ЛЕНА. Сочувствую.

КАРАВАДЖО. Глаза выжигает напрочь.

ЛЕНА. Да возлюби тебя Господь!

КАРАВАДЖО. Ради Бога, Лена, сделай что-нибудь!

ЛЕНА. Например?

КАРАВАДЖО. Ты же знахарка, ты понимаешь.

ЛЕНА. Извини, помочь не могу.

КАРАВАДЖО. Я что, себя навсегда покалечил?

ЛЕНА. Кто знает? Ты взрослый мужчина. Сам всё на свете знаешь.

КАРАВАДЖО. Говори правду, корова, правду!

ЛЕНА. Му-у, му-у.

КАРАВАДЖО. Мне не до смеха, Лена.

ЛЕНА. Му-у-у.

КАРАВАДЖО. Сделай что-нибудь.

ЛЕНА. Му-у-у.

Караваджо выхватывает нож. Лена встаёт, бьёт Караваджо.

КАРАВАДЖО. Боже!

ЛЕНА. Распустил сопли, щенок.

КАРАВАДЖО. Прости.

ЛЕНА. Кем ты, чёрт возьми, себя возомнил? Это ты перед кем тут раздухарился? Перед каким-то грошовым неотёсанным сосунком, которого соскрёб с мостовой? Ей-богу, мальчик, ты хорошо подумал, чтоб решаться на такие выходки?

КАРАВАДЖО. Прости.

ЛЕНА. Ты очень хорошо подумал?

КАРАВАДЖО. Так нельзя. Я знаю. Прости.

ЛЕНА. Такое вытворять!

КАРАВАДЖО. Это первый раз.

ЛЕНА. И последний, когда ты со мной так. Кого другого будешь запугивать.

КАРАВАДЖО. Я отплачу.

ЛЕНА. Сколько?

КАРАВАДЖО. Не деньгами. Я тебя напишу.

ЛЕНА. Ты уже писал меня, козёл.

КАРАВАДЖО. Это было давно. Я не писал тебя такой, какая ты есть.

ЛЕНА. Ага, потаскухой.

КАРАВАДЖО. Нет. Красивой и рассерженной. Лена! Посмотри! Взгляни, Лена!

ЛЕНА. Ага, Леной-потаскухой.

КАРАВАДЖО. Нет. Подругой.

ЛЕНА. Подругой, ага!

КАРАВАДЖО. Подругой для козла, для Караваджо.

ЛЕНА. Волшебного моего козла.

КАРАВАДЖО. Волшебного козла.

ЛЕНА. Единорога.

КАРАВАДЖО. Волшебного.

ЛЕНА. Единорога.

Касаются друг друга лбами.

КАРАВАДЖО. В лесу.

ЛЕНА. В лесу.

Кончиками пальцев Караваджо принимается изучать лицо Лены.

КАРАВАДЖО. Птица летит через лес. Золотая птица, а золотая она потому, что несёт на себе солнце. Птица видит дерево и питает дерево солнцем. Дерево питает листву, листва отвечает любовью дереву, дерево баюкает птицу, это Лена оказалась той птицей, которая и солнце, и дерево, и листва, ибо листва есть плод прекрасной земли. Я собираю земные плоды и листву с того дерева и прячу в твоё лицо, ибо лицо твоё – это чаша, полная жизни, полная Лены. Вот, смотри, Лена, твоё лицо. *(Руки Караваджо тянутся к Лене. Его ладони ласкают её лицо, её волосы и снова лицо. Затем, развернув ладони к себе, он смотрит на них, любитесь.)* Твоё лицо. Да, твоё прекрасное лицо, Лена. *(Сморкается в ладони.)*

ЛЕНА. Убирайся.

КАРАВАДЖО. Каждый раз клюёшь, мымра.

ЛЕНА. Вон!

КАРАВАДЖО. Перепихнуться, полагаю, уже не светит?

ЛЕНА. Даже не обольщайся, пидор!

Караваджо направляется к выходу, по дороге подхватывая плащ. Лена запускает ему вслед череп. Караваджо ловит его на лету.

Не таскай ко мне в дом этот грёбанный череп, он на меня смотрит!

Караваджо уходит, Лена кричит ему вслед.

Господи, как я рада, что подмешала в это снадобье перцу!

КАРАВАДЖО *(за сценой)*. Потаскуха!

ЛЕНА. Козёл!

Молчание. Лена возвращается в лачугу. Поднимает повязку, хмурится, улыбается. Отбросив повязку в сторону, берёт зеркало, смотрится, убирает с глаз долой.

Где, интересно, тут поблизости монастырь?

Затемнение.

Улица. Антонию и Лючио, уличные проститутки, стоят в ожидании. Антонио грызёт ногти.

ЛЮЧИО. Хватит грызть ногти.

АНТОНИО. Я голодный.

ЛЮЧИО. Дурная привычка. И для здоровья вредно.

АНТОНИО. Собой торговать тоже.

ЛЮЧИО. И что?

АНТОНИО. А то, что я голодный. Грызу ногти. Хочешь погрызть?

ЛЮЧИО. Иди на хрен.

Молчание.

У меня вообще ногти длинные. Вообще красивые. Как мне сказали.

АНТОНИО. А у меня паршивые. Потому, наверно, я их жую. Чтоб избавиться.

ЛЮЧИО. Цепанул как-то гребня, нормальный такой чел, говорит, у меня пальцы точёные. Руки, говорит, у меня плавные, будто у музыканта, в них надо вложить инструмент. Я ему говорю: я частенько вкладываю. Он даже не засмеялся. Вот нет у педиков чувства юмора.

АНТОНИО. У меня есть.

ЛЮЧИО. Ты же не педик. Ну, торгуешь собой желудка ради, но ты ж никакой не педик. Стал бы я с тобой зависать, если б что-то было не так.

АНТОНИО. Я обожаю мужчин.

ЛЮЧИО. Несёшь всякую мерзость.

АНТОНИО. Обожаю их жопы. Обожаю их кусать. Вот что по правде со мной не так. У меня рот всегда должен быть чем-то занят. Если б я, может, родился уродом – ну, там безо рта или вообще, – я бы женился. Я точно знаю, что не ходил бы всегда голодный.

Молчание.

И вообще я точно знаю, что у меня есть чувство юмора.

ЛЮЧИО. Кто сказал-то, что нет?

АНТОНИО. Ты. Ты сказал, что у педиков...

ЛЮЧИО. Ты же не...

АНТОНИО. Да я пробитый, как решето. И ты тоже.

ЛЮЧИО. Ну, так молчи об этом! Хватит того, что мы этим занимаемся.

АНТОНИО. Да мы и не занимаемся.

ЛЮЧИО. Приколись, я заметил.

Молчание.

Терпеть не могу быть бедным.

АНТОНИО. Понимаю. Голод сводит с ума. Вчера ночью я видел призрака.

ЛЮЧИО. Покончу я, наверно, с этим весельем. Это не дело для мужчины.

АНТОНИО. У него на плечах не было головы, и он знал, как меня зовут.

ЛЮЧИО. Найду женщину и вообще. Не будет же этот праздник длиться вечно. *(Начинает делать отжимания.)*

АНТОНИО. Мне ничуть не приснилось. У него правда не было головы, у этого призрака. Я даже вскрикнул.

ЛЮЧИО. Женщины не такие привередливые. Да их и побольше, пожалуй.

АНТОНИО. Знаешь, что меня правда напугало до смерти? Я подумал, это призрак моего отца или матери.

ЛЮЧИО. Всё, я выхожу из игры. Закрываю лавочку. Сегодня ночью и закрываю. *(Прекращает отжиматься.)*

АНТОНИО. Я, значит, наклоняюсь, чтобы поднять её, эту голову, чтобы точно рассмотреть, кто это, а он меня укусил.

ЛЮЧИО. Кто тебя укусил?

АНТОНИО. Призрак меня укусил.

ЛЮЧИО. Призрак? *(Целует Антонио.)*

АНТОНИО. Он заговорил. Стал меня обвинять. Сказал, это я отрезал ему голову.

ЛЮЧИО. Кому голову?

АНТОНИО. Призраку, моему отцу или матери.

ЛЮЧИО. Как? Они умерли. (*Треплет Антонио волосы.*)

АНТОНИО. Вот я и подумал, что они стали призраком, идиот. Я заплакал. Он засмеялся.
Головы нет – он смеётся. Жуть такая – можешь себе представить?

ЛЮЧИО. У тебя снова видения?

АНТОНИО. Я ушам своим не поверил. Призрак смеётся.

ЛЮЧИО. Ты с кем разговариваешь?

АНТОНИО. С Богом.

ЛЮЧИО. Зачем?

АНТОНИО. Мне одиноко.

ЛЮЧИО. Поговори со мной.

АНТОНИО. Чего вдруг?

ЛЮЧИО. Почему нет?

Молчание.

АНТОНИО. Пробуем последнее средство?

ЛЮЧИО. Пробовали вчера ночью. Как бы не переусердствовать.

АНТОНИО. Вчера ночью не вышло.

ЛЮЧИО. Он нас, видимо, не услышал.

АНТОНИО. Что, начинаем?

Становятся на колени.

ЛЮЧИО. Молись ты.

АНТОНИО. Услышь нас, Отче небесный.

ЛЮЧИО. Мы голодаем.

АНТОНИО. Мы можем съесть друг друга.

ЛЮЧИО. Не так. Говори что-то религиозное.

АНТОНИО. Например?

ЛЮЧИО. Вот тело моё.

АНТОНИО. Вот моя кровь.

ЛЮЧИО. Обрати меня в хлеб, Господи.

АНТОНИО. А меня – в вино.

ЛЮЧИО. Яви нам чудо.

АНТОНИО. Яви человека.

ЛЮЧИО. Даже не так. Сотвори работу наоборот. Плоть и кровь во хлеб и вино.

АНТОНИО. Дай нам, Господи, пропитания, даже если это мы сами.

ЛЮЧИО. Стой! А что если он услышит?

АНТОНИО. Он нас вообще никогда не слышит.

ЛЮЧИО. Ну а вдруг? Трахнет ещё.

АНТОНИО. В том-то и смысл.

ЛЮЧИО. Пошли нам, Господи, человека.

АНТОНИО. Пошли нам своего сына.

ЛЮЧИО. Он был богом.

АНТОНИО. Бога тогда пошли, мы докатились до ручки.

ЛЮЧИО. Не смей так говорить! Это грех. Страшно становится.

АНТОНИО. И что?

ЛЮЧИО. Услышит – и поразит насмерть.

АНТОНИО. Он нас вообще никогда не слышит.

ЛЮЧИО. Всё бывает первый раз.

Молчание.

АНТОНИО. Ты помнишь тот первый раз?

ЛЮЧИО. Нет.

АНТОНИО. А я помню. Сколько мне было? Тринадцать или четырнадцать?

ЛЮЧИО. Я помню. Я назвал тебя младшим братом. Ты был красивый.

АНТОНИО. Спасибо.

ЛЮЧИО. Тихо! Мужика видишь?

АНТОНИО. Где?

ЛЮЧИО. Смотрит.

АНТОНИО. Нет.

ЛЮЧИО. В темноте стоит. Толком не разглядеть. Уставился, глаз не сводит. Луны
дождёмся – поймаем.

АНТОНИО. Всю ночь тут проторчим.

ЛЮЧИО. У него, кажется, борода. Всего-то лица не вижу, но клиент, вроде, жирный.
Теперь вижу. Мороз по коже, как такое на тебя глянет. Не лицо, а лошадиная жопа.

АНТОНИО. Блядь, он на меня западёт. Чего мне всегда везёт на красавчиков?

ЛЮЧИО. Боже, да это, кажется, извращенец!

АНТОНИО. Ну и что тут такого?

ЛЮЧИО. Это особенный паренёк.

АНТОНИО. Знаешь его?

ЛЮЧИО. Был с ним.

АНТОНИО. Не опасный?

ЛЮЧИО. С прибабахами.

АНТОНИО. Чего делал?

ЛЮЧИО. За всю ночь ни слова не проронил. Заставил меня трещать без умолку, накачал
вином. А там причиндалы появились.

АНТОНИО. О Господи, для битья?

ЛЮЧИО. Нет.

АНТОНИО. Какие тогда причиндалы?

ЛЮЧИО. Виноград.

АНТОНИО. Виноград?

ЛЮЧИО. Бочками.

АНТОНИО. Ну, это ж совсем другое дело. Виноград.

ЛЮЧИО. Он этим виноградом измазал меня с ног до головы. У меня даже на яйцах грозди
висели. А потом съел. У меня крепкий желудок, но я клянусь, меня чуть не
стошнило. Стал называть меня Вакхом.

АНТОНИО. Каким ещё, сука, Вакхом?

ЛЮЧИО. Я-то откуда знаю?

АНТОНИО. Дружок, может, был у него какой одно время, иностранец – с таким именем.
Есть кому иностранцы нравятся.

ЛЮЧИО. Я тебе ещё самое лучшее не рассказал.

АНТОНИО. Что?

ЛЮЧИО. Он заставил меня нарядиться.

АНТОНИО. Женщиной?

ЛЮЧИО. Деревом, блядь.

АНТОНИО. Как это – деревом?

ЛЮЧИО. По всей голове листья, так? По всему телу сочатся гнилые лежалые фрукты. Вокруг меня он развёл огонь. И щёки у меня большие и красные – как две свёклы горели. Вот ей-богу, я себя чувствовал просто лохом.

АНТОНИО. А виноград у тебя всё ещё был на яйцах?

ЛЮЧИО. Нет, я ж говорю, он съел виноград.

АНТОНИО. А огонь зачем?

ЛЮЧИО. Полночь потому что была глухая, а ему свет надо было, чтоб меня видеть. Этот урод – художник. Он меня рисовал.

АНТОНИО. Деревом?

ЛЮЧИО. Вакхом.

АНТОНИО. А, Вакхом, да. Он помешанный, что ли?

ЛЮЧИО. Он художник.

АНТОНИО. Платит нормально?

ЛЮЧИО. Не помню.

АНТОНИО. Да ладно.

ЛЮЧИО. Да я нажрался уж до беспамятства, когда он меня имел. Черепушка кружилась.

АНТОНИО. И ты был такой пьяный, что не помнишь, заплатил он тебе или нет?

ЛЮЧИО. Я тогда был моложе.

АНТОНИО. Ну, он всё ещё смотрит.

ЛЮЧИО. Весь твой.

АНТОНИО. Отдаёшь?

ЛЮЧИО. Забирай. Хотел бы он нас двоих, давно б уж пошевелился. Я обойдусь. Припасёшь мне гроздь винограда.

АНТОНИО. Подожди!

ЛЮЧИО. Он твой, Антонио.

АНТОНИО. Не нравится мне его рожа, Лючио.

ЛЮЧИО. Тони, милый, он хорошо платит. А нам нужны деньги.

АНТОНИО. Ты же говорил, не помнишь, заплатил он...

ЛЮЧИО. Я помню, что заплатил.

АНТОНИО. Не уходи пока, Лючио, ну, пожалуйста!

ЛЮЧИО. Девка, блядь! Девка! Чего я связался?

АНТОНИО. Ну, пожалуйста, ты же старший брат!

Входит Караваджо.

ЛЮЧИО. Чудесный вечер.

Молчание.

Вот тут приятель только что высказывался о луне. Такой луной человеку надо любоваться. Сами вы что думаете?

Молчание.

Тоже вышли прогуляться, как мы?

Молчание.

Я-то уж в койку. А вот парень, ему только дай побродить. Собрался пройтись последний разок к реке.

АНТОНИО. Не верьте ему. Я не собрался. Я вообще не слоняюсь у реки.

ЛЮЧИО. Что вы говорите?

АНТОНИО. Мы не пробитые. Не бейте нас.

ЛЮЧИО. Да не будет он, нет ведь?

АНТОНИО. Пойдём лучше домой, Лючио.

КАРАВАДЖО. А дом у вас один на двоих?

АНТОНИО. Да. Жена будет нас дожидаться.

КАРАВАДЖО. И жена у вас одна на двоих?

АНТОНИО. Да.

ЛЮЧИО. Нет. Мы живём одни. Хотите, пойдёмте с нами.

КАРАВАДЖО. Пойдём со мной.

Караваджо, взяв в руку золотую монету, протягивает её Лючио. Тот подходит, но даже не успевает забрать – Караваджо хватается Лючио за волосы.

Золото.

Караваджо бросает на землю ещё несколько монет и показывает на Антонио.

Ты тоже. Давай.

Уходит. Лючио быстро собирает монеты.

ЛЮЧИО. Давай. За ним.

АНТОНИО. Бери сколько есть и пошли домой. Ну его на фиг, Лючио.

ЛЮЧИО. С ума сошёл? Там ещё больше, откуда это взялось. Давай, Антонио! (*Уходит.*)

АНТОНИО. Лючио!

ЛЮЧИО (*за сценой*). Давай!

Молчание. Антонио собирается уйти, но останавливается.

АНТОНИО. Увидимся, Господи, какая ж ты всё-таки сволочь! Удачи! (*Уходит.*)

Затемнение.

Дворец кардинала Франческо дель Монте. Картины и гобелены. Скамья. Подушки на полу. Мясо на золотом блюде. Корзина с фруктами. Караваджо режет ножом мясо, рядом с ним красный плац. Лючио и Антонио пьют вино, смотрят, как Караваджо ест. Антонио берёт корзину с фруктами, подходит к Караваджо, предлагая что-нибудь взять. Караваджо недовольно рычит. Антонио поворачивается, чтобы уйти. Караваджо знаком велит ему остаться, долго рассматривает, как тот держит корзину, потом меняет ему положение руки и стягивает с плеча рубаху, обнажая плоть. Антонио терпеливо ждёт ухаживаний Караваджо. Караваджо нечленораздельно рычит, приказывая ему отойти. Антонио пожмывает плечами, подходит с корзиной к Лючио и перед его носом поднимает гроздь винограда.

АНТОНИО. Помнишь?

Лючио смеётся.

КАРАВАДЖО. Чего?

ЛЮЧИО. Как быстро они забывают!

АНТОНИО. Все они, мужики, одинаковые. Все до единого. Одно только им подавай.

ЛЮЧИО. Животные.

АНТОНИО и ЛЮЧИО. Слава Богу.

*Смеются. Шутка обращена к Караваджо, но тот остаётся безучастным.
Молчание.*

АНТОНИО. Как всё-таки тебя зовут?

Молчание.

Он, кажется, тебя знает.

Молчание.

ЛЮЧИО. Можно мне что-нибудь съесть?

КАРАВАДЖО. Что же раньше-то не спросил? Стесняешься, что ли?

ЛЮЧИО. А что ж ты не предложил?

КАРАВАДЖО. Не моё, чтоб предлагать.

ЛЮЧИО. А чьё же тогда?

КАРАВАДЖО. Кто вас купил.

ЛЮЧИО. Не ты нас купил?

Молчание.

Ты сводник?

Караваджо плещет вином в лицо Лючио.

КАРАВАДЖО. Извини. (*Наполняет бокал вином.*)

АНТОНИО. Ты грубиян, что ли?

КАРАВАДЖО. Нет. (*Протягивает Лючио мясо.*) Тоже оголодал?

Антонио кивает.

Ешьте. Поделитесь.

Они набрасываются на еду.

Ешьте как христиане. Где ваши манеры? Это дом священника.

ЛЮЧИО. Господи, ты священник?

КАРАВАДЖО. Нет, я святой. Я знаю, что такое Рим. Проще простого угодить в лапы к
вашему брату. Я хожу переодетым.

ЛЮЧИО. В кого?

КАРАВАДЖО. Догадайся.

ЛЮЧИО. В женщину?

Караваджо смеётся.

С женщиной борода творит чудеса.

Молчание.

КАРАВАДЖО. С чего ты решил, будто я священник?

АНТОНИО. У тебя куча денег.

ЛЮЧИО. Как ты водишь руками. И они чистые.

АНТОНИО. Да ну? Я обожаю чистые руки. Дай посмотреть! (*Разглядывает руки Караваджо.*) Такие грубые.

КАРАВАДЖО. Нежные. Не грубые. Нежные. (*Смотрит на Лючио.*) Нежные. Как твоё лицо было когда-то.

АНТОНИО. Нет, не такие уж они чистые. Не отёртые, типа.

ЛЮЧИО. Ты, значит, помнишь?

АНТОНИО. В смысле, я и почище видал.

КАРАВАДЖО. Лица я никогда не забываю.

ЛЮЧИО. Даже когда рисуешь?

АНТОНИО. Руки всегда подчистую выдают возраст.

КАРАВАДЖО. Сообразительный мальчик. Необычный.

АНТОНИО. Да, выдают подчистую.

КАРАВАДЖО. Необычный.

Молчание.

АНТОНИО. Милое у вас тут местечко, святой отец.

КАРАВАДЖО. Я тебе не святой отец. Не зови меня так.

АНТОНИО. Сам же говорил, это священника...

КАРАВАДЖО. Я ничей не святой отец.

Молчание.

ЛЮЧИО. Кто нас купил?

КАРАВАДЖО. Богатый человек.

АНТОНИО. Приятный?

КАРАВАДЖО. Богатый. Все богатые люди – приятные. Усёк?

АНТОНИО. Усёк. Прекрасно. Платит хорошо?

КАРАВАДЖО. Баснословно.

АНТОНИО. Прекрасно.

ЛЮЧИО. Откуда ты его знаешь?

КАРАВАДЖО. Он и меня покупает тоже.

ЛЮЧИО. Чем занимается?

КАРАВАДЖО. Зарабатывает?

ЛЮЧИО. Ага.

КАРАВАДЖО. Молится за твою душу перед тем, как искупить твоё тело.

ЛЮЧИО. Парень молодой?

КАРАВАДЖО. Любишь молодых?

ЛЮЧИО. А ты нет?

КАРАВАДЖО. Он молод душой.

ЛЮЧИО. Ненавижу стариков. От них пахнет рыбой. Им надо вспороть кишки и скормить друг другу.

АНТОНИО. Жалких старых уродов.

ЛЮЧИО. Покромсать это старое сморщенное говно в лоскуты.

АНТОНИО. Медленно.

КАРАВАДЖО. Чем? Покромсать в лоскуты чем?

ЛЮЧИО. Ногтями.

Лючио взмахивает руками, словно дикий зверь выпускает когти. Ему вторит Антонио. В шуточной драке оба носятся друг за другом по комнате. Желая их подзадорить, в игру вступает и Караваджо.

КАРАВАДЖО. Кто ты?

Лючио рычит.

Лев.

Лючио прыгает на Караваджо, но тот уворачивается. Лючио бросается к гобеленам и принимается рвать их зубами.

Собака.

Лючио лает по-собачьи.

АНТОНИО. Можно, я тоже кем-нибудь буду?

КАРАВАДЖО. Зайчиком. Кротким зайчиком.

АНТОНИО. Только зайчиком?

Караваджо ласково треплет Антонио волосы. Лючио превращается в дикую лошадь, насккивает на Антонио, тот пронзительно визжит. Караваджо подбегает к Лючио, сбрасывает его с Антонио, Лючио брыкается, Караваджо хватается за лицо.

КАРАВАДЖО. Конь, верный конь.

Лючио поднимается и, яростно дыша, снова преследует Антонио.

ЛЮЧИО. Я не конь. Я – дракон, это – пламя.

КАРАВАДЖО. Лети, мальчик, лети. Превратись-ка в птичку, в певчую птичку. В орла.

Антонио превращается в орла и опускается Лючио на лицо. Лючио ревет как бык.

Бык.

Антонио и Лючио превращаются в двух быков и вновь бросаются в драку. Не прекращая драки, Антонио окликает Караваджо.

АНТОНИО. А ты кто?

КАРАВАДЖО. Ящерица. Ядовитая ящерица. Ползу по тебе. Прижимаюсь к тебе. Целую тебя. Жалю. Прижимаюсь. Целую. Жалю. Целую. Целую.

Антонио и Лючио в страхе шарахаются от ящерицы.

Тише, тише, звери мои. Идите ко мне. Тише.

Антонио и Лючио тихонько подходят к нему.

Единорог, единороги, тише.

Караваджо осторожно ловит Лючио и Антонио. Прижимает обоих к себе. Первым, хлебнуть вина, из объятий вырывается Антонио. Он приносит Караваджо корзину с фруктами.

АНТОНИО. Здорово было.

Караваджо смотрит на руку Лючио, внимательно изучая ногти.

ЛЮЧИО. Лизни.

Караваджо кладёт палец Лючио в рот и нежно облизывает. Лючио вынимает палец изо рта Караваджо. Караваджо целует палец. Лючио дотрагивается до лица Караваджо, находит шрам, проводит по нему рукой.

Что это за шрам у тебя на лице?

Молчание.

Поэтому у тебя такая большая борода? Прикрывать шрам? Откуда у тебя шрам?

КАРАВАДЖО. Было хуже когда-то. Не то что сейчас.

ЛЮЧИО. Возле глаз. Ты чуть не ослеп?

КАРАВАДЖО. Потом я почти ничего не видел, но то, что я видел, я видел ясно.

ЛЮЧИО. Тебя лягнули в лицо.

КАРАВАДЖО. Откуда ты знаешь?

ЛЮЧИО. Только не человек.

КАРАВАДЖО. Кто же?

ЛЮЧИО. Животное. Как и меня. Давно уж.

Лючио обнажает бедро и показывает рану. Караваджо дотрагивается до неё.

КАРАВАДЖО. Лошадь.

ЛЮЧИО. Лошадь. Я упал. Напугал её. Она брыкнулась. Задела меня.

АНТОНИО. А меня крыса один раз укусила.

ЛЮЧИО. Ты ехал верхом?

АНТОНИО. За ухо укусила. Я им потом целый месяц не слышал.

КАРАВАДЖО. Конь был дикий.

АНТОНИО. Никто меня не слушает. *(Антонио ложится у ног Караваджо, играет фруктами в корзине.)*

КАРАВАДЖО. Мне хотелось его спасти.

ЛЮЧИО. От кого?

КАРАВАДЖО. От его самого. Я умею обходиться с животными. Невинны душой. Даже самые дикие.

АНТОНИО. А крыса ещё оказалась чёрной. Она была у меня в постели. Я почувствовал ногой какой-то комок. Думал, приснилось. А он, чувствую, зашевелился. Ползает возле меня. Чёрный.

КАРАВАДЖО. Я думал, ослеп.

АНТОНИО. Я с криком выскочил из кровати. Я надеялся, это ящерица. Оказалось, крыса. Побежала, как бешеная. (*Сворачивается клубочком, поближе к Караваджо.*)

КАРАВАДЖО. Я думал, это будет последнее, что я вижу. Коня.

АНТОНИО. Крыса, видать, напугалась побольше меня, но это ничуть даже не утешение.

ЛЮЧИО. А оно не было.

Караваджо гладит Лючио и Антонио.

АНТОНИО. Отец услышал, как я заплакал. Взял меня. Прямо на руки. Я вообще никогда не помню, чтоб он до меня раньше дотрагивался. Я почувствовал всю его силу. Мне было так хорошо. (*Целует Караваджо руку.*)

КАРАВАДЖО. Я впервые увидел.

АНТОНИО. А потом он бросил меня, когда узнал, почему я плачу. Заорал про чуму. Сунул меня в дождевую бочку. Холодную. (*Отпускает руку Караваджо.*)

КАРАВАДЖО. Он прикоснулся ко мне, этот конь. Увидел меня. А я увидел его прикосновение.

ЛЮЧИО. А прикосаться к людям?

АНТОНИО. Я думал, я утону. Отец меня не спасёт. Я ему не нужен. Никогда не был нужен.

КАРАВАДЖО. Видеть. Прикасаться. (*Закрыв глаза, Караваджо пытается дотронуться до Антонио.*)

АНТОНИО. Я сам себя не слышал, как плачу, но лицо было мокрое. Я думал, оглох. Может быть, мой отец, он тоже оглох. Может быть, он тоже не слышал, как я плачу.

ЛЮЧИО. Ты боишься прикосновений?

Молчание. Антонио принимается бить золотым блюдом по полу, разбрасывая мясо.

АНТОНИО. Я женюсь. Женюсь на женщине, женщины тебя слышат. Мужики слышат только то, что хотят услышать. Как мой отец. Ненавижу их. Меня укусила крыса. Отец меня обнимал. Я едва не оглох. Теперь всё хорошо. Я слышу. Выслушайте меня.

ЛЮЧИО. Ты приготовься, у тебя клиент.

АНТОНИО. Не тупи, урод, вот он – клиент! Он же заплатит. И он хочет тебя. Всё время тебя. А ты говорил, он мой. А сам сидишь тут и трахаешь его своими глазами, и руками, и ушами – да всем что есть, кроме самого главного! А знаешь, почему ты иначе не можешь? Да потому что лошадь вышибла из них дух. А с такими яйцами мужику проку, что от манды.

ЛЮЧИО. Как ты меня назвал?

АНТОНИО. Извини, Лючио.

ЛЮЧИО. Хочешь его – забирай.

АНТОНИО. Хочешь меня?

Молчание.

Хочешь меня?

Молчание.

Кто ты?

Раздвигаются гобелены. Появляется Кардинал в сопровождении слуги.

КАРДИНАЛ. Караваджо, сын мой. Его зовут Караваджо.

В присутствии Кардинала Антонио и Лючио становятся на колени.

КАРАВАДЖО. Микеланджело Меризи да Караваджо, ваше преосвященство.

Представляю пред ваши высочайшие очи этих бедных отроков. Пощупайте.

Грубые, но весёлые – всё по вашему вкусу. Чуток соли от пота – лучшая приправа для плоти. Я знаю, чего вы хотите, мой господин. Я служу вашему преосвященству как художник и сводник, и его преосвященство знает, что я хороший слуга.

КАРДИНАЛ. Ты сегодня что-то расстроен больше обычного, Караваджо. Надеюсь, я не слишком рано прервал твою маленькую интрижку, друг мой?

КАРАВАДЖО. Не оказывайте мне чести, называя другом, ваше преосвященство. Я ваш покорный слуга. (*Поднимает юношей с колен.*) Примите мой дар, господин кардинал. Караваджо совершает пожертвование пред лицом своего господина, высочайшего князя церкви.

Караваджо швыряет Антонио и Лючио к ногам Кардинала.

Дикари, а? Вроде меня, нет? Пользуйтесь нами, как вам заблагорассудится. Но осторожно, а то ведь брюхо сыто, да глаза голодны. Вашим-то глазам подавай кусок жёсткого мяса, а брюху нужны изыски.

КАРДИНАЛ. Было б неплохо, если бы ты хоть изредка пренебрегал своей репутацией.

КАРАВАДЖО. Ешьте и веселитесь, князь, завтра мы все умрём. Нынче ночью мы все умрём. Жизнь – это смерть, свет – это тьма. Вот из этой тьмы и выползли ваши мальчишки, принесли вам свет любви.

КАРДИНАЛ. Ты не перестаёшь удивлять.

Караваджо кланяется.

КАРАВАДЖО. Моё единственное желание – удовлетворить ваше преосвященство.

КАРДИНАЛ. Бедное моё преосвященство – иметь слугой человека, попирающего устои. Я прощаю тебя. Твоё поведение извращает всё твою сущность. Боюсь, ты лишён – как это говорят? Очаровательно неистов, мучительно естественен, но лишён чувства перспективы? Пожалуй, нет. Нет, ты лишён того совершенного чувства нюансировки, которое отличает исключительное от хорошего. Я полагаю, это называется благоразумием. Вот чего ты лишён. Твой рот извергает слишком много яда, Караваджо. Смотри, как бы им не плюнули в ответ.

Молчание.

Садись.

КАРАВАДЖО. Крестьянину не полагается сидеть в присутствии...

КАРДИНАЛ. Ты меня утомил, Караваджо. Подай вина.

КАРАВАДЖО. Ты слышал его преосвященство. Уважай церковь. Уважай возраст. Подай князю то, что ему причитается. Подай старику своего вина. (*Хватает бокал Антонио.*) Подай ему в пересохший рот свой конец.

АНТОНИО. Святой отец... ваше преосвященство... мы...

КАРАВАДЖО. Не стыдись. Как раз об этом он и станет тебя просить. Ещё чуточку времени. Ещё чуточку благоразумия. Ещё чуточку усилий. И всё будет просто замечательно. Я знаю, чего он хочет. Ещё бы мне не знать! Я сам его обслуживал, когда ничего моложе рядом не находилось. Я отдал ему самое лучшее. Он это знает. Он мне благодарен. Кормит. Одевает. И под всем этим я умница. Знаю цену его деньгам. Делаю что прикажут. Художник и сводник. Художник при кардинале дель Монте, сводник при папской курии, потаскуха при Католической церкви. И я им нужен. Потому что я совершенно особенная потаскуха. Кардиналу даже завидуют из-за мастерства его потаскухи. Господи, то, что я вытворяю этими руками, – это надо видеть, чтобы поверить!

КАРДИНАЛ. Если мне не изменяет память, некоторое время назад я попросил что-нибудь выпить.

На четвереньках Караваджо подползает к столу, хватая зубами бокал и возвращается к Кардиналу. Кардинал смеётся, берёт у Караваджо бокал и

протягивает перстень для поцелуя. Караваджо целует перстень, наливает Кардиналу вина и садится у его ног.

Простите моему шуту его манеры. Он вас не приветил как друзей. Вы раньше приходили к нему сюда?

КАРАВАДЖО. Нет.

КАРДИНАЛ. Где он вас нашёл?

КАРАВАДЖО. В церкви.

КАРДИНАЛ. За молитвой?

КАРАВАДЖО. Глубокой.

КАРДИНАЛ. Хорошо. Ваша духовная благодать соответствует внешней красоте. Подойди. Сядь подле.

Молчание.

Ну же!

Молчание.

Чего ты боишься? Караваджо? Он бросался уже на тебя?

АНТОНИО. Да, святой отец.

КАРДИНАЛ. Счастливчик, а, Караваджо?

Караваджо лает по-собачьи.

Он тут на привязи. Только лаять и может. Не надо его бояться. В моём доме у него нет власти. Я – слуга Господа. Мой дом – это дом Господень. Не надо бояться меня больше, чем должно бояться Господа. Разве станет Господь презирать тебя за твою бедность или твоё ремесло? Нет. Разве я тебя презираю? Нет. Подойди. Сядь. Оба вы, сядьте. Ты, принеси фрукты.

Антонио подходит к Кардиналу с фруктовой корзиной. Кардинал выбирает что-то из фруктов, ест.

(мягко). Умница. Садись. Ты меня тоже боишься?

АНТОНИО. Нет, святой отец.

Кардинал обвивает Антонио рукой. Антонио прижимается к нему.

КАРДИНАЛ. Вот и пса моего не бойся. Интересный пёс. Любит, чтобы его наказывали. Когда не забывает о своём положении, это лучшее создание на всём Божьем свете. А, Караваджо? Погладь, не бойся.

Антонио гладит волосы Караваджо. Молчание.

Дай мне свой нож, Караваджо.

Караваджо протягивает Кардиналу свой нож. Кардинал подносит нож к лицу Караваджо.

Взгляни на него. Слышишь, как дышит? Не бойся. Взгляни. Он носит этот клинок, но, когда отдаёт его мне, клинок может лишить его зрения навсегда. Вырезать глаза из глазниц. Покромсать старую сволочь в лоскуты. Мы знаем, что тебя возбуждает, Караваджо. Кровь. Можно увидеть нам кровь? Если нож вонзится тебе в глаза, что с тобой станет? Где ты окажешься, Караваджо?

Караваджо пронзительно воет.

Он так боится? Так легко напугать неистового Караваджо? Да, у него крестьянский страх темноты. В ней полно призраков. Вы, мальчики, боялись темноты, когда были детьми? Караваджо тоже. Он до сих пор боится, и не просто темноты с её призраками. Бойся, Караваджо. Бедный Караваджо. Плачь от страха. Плачь обо мне. Плачь. *(Кардинал даёт Караваджо пощёчину.)*

ЛЮЧИО. Оставьте его.

КАРДИНАЛ. Забери ты свой нож. Никакого удовольствия нынче. Эти мальчишки, отчего ты их выбрал? Из-за грязи? Побрей его начисто. Умой его своим лезвием.

Кардинал с силой отталкивает Антонио от себя. Караваджо прыгает на Антонио. Антонио кричит. Заглушая крик, Караваджо сжимает Антонио горло. Караваджо поднимает нож. Лючио хватает Караваджо за руку.

ЛЮЧИО. Нет!

Караваджо смеётся.

КАРАВАДЖО. Бедненькие ягнятки! Вложил вам большой серый волк в невинные ваши души страх перед Господом?

ЛЮЧИО. Отпустите нас домой!

АНТОНИО. Прошу вас, святой отец! У нас деньги есть – он нам дал. Мы вам отдадим – на службу там или что.

ЛЮЧИО. Нам нужны эти деньги.

КАРАВАДЖО. Золотые слова. Ой, ради Бога, вы и похуже в местах бывали.

ЛЮЧИО. Ты в себя пришёл, что ли?

КАРАВАДЖО. Чудо. Благодарение Господу нашему. Идите и вознесите хвалу за спасение своих жизней. Здесь во дворце полно часовен. Найдите одну, прочтите молитву, пока развлечение не началось.

КАРДИНАЛ. Уведи их.

Слуга подходит к Антонию и Лючио.

КАРАВАДЖО (*sotto*). Не забудьте прочесть молитву.

КАРДИНАЛ. Искупай.

АНТОНИО. Отпустите нас домой, святой отец.

КАРДИНАЛ. Отмой.

КАРАВАДЖО. Господь одарит лёгкой поживой.

АНТОНИО. Отпустите нас домой.

Слуга уводит Антонио и Лючио.

КАРДИНАЛ. Смертью ты моей станешь, Караваджо.

КАРАВАДЖО. Надеюсь, нет, господин кардинал.

КАРДИНАЛ. Чего ты сюда таскаешься? Понравилось играть роль моего шута?

КАРАВАДЖО. Я не шут.

КАРДИНАЛ. Значит, по-прежнему боишься меня. Отчего?

КАРАВАДЖО. Рука ваша – рука, что кормит.

КАРДИНАЛ. Если бы только это, ты б давно уж её откусил. Отчего ты боишься моей руки? Отчего, Караваджо?

КАРАВАДЖО. Благословляет. Рука ваша – рука, что благословляет. И благословения того я боюсь, и нуждаюсь в нём. Ибо я согрешил. И грешу. И буду грешить. Простите мне.

КАРДИНАЛ. Опасный ты человек, а, Караваджо? Ты веришь так глубоко, что аж страшно. Но видения твои божественны. Не думай, что мне неизвестно о твоём призвании. Ты веришь, а если веришь, значит, ты избранный, а не нанятый. Я знаю тебя. Я знаю тебя, Караваджо. Потому-то ты меня и боишься. Художник бедноты. С грязными ногами, в лохмотьях, в обносках, стоят на коленях в преклонении пред своей Девой Марией, ещё одной нищенкой, матерью их Господа. И они знают об этом. И ты знаешь об этом. Кто этот Господь? Почему это их он выбрал? Возлюбленных бедняков, которые вечно пребудут с нами, так же, как их Господь вечно пребудет с ними, не с нами. Ты заставляешь нас вспоминать неприятные истины, Караваджо. За это тебя можно возненавидеть. Наказать за твои грехи. Но ты будешь прощён, потому что ты нужен. В конце концов тебе всё простится. Опасные речи. Опасный человек. Спасает себя силой своих видений. И потребностью рассказать то, что видит. Расскажи мне свои грехи. Исповедуйся, Караваджо.

КАРАВАДЖО. Я увидел двух мальчиков.

КАРДИНАЛ. И ты их совратил с пути истинного.

КАРАВАДЖО. Один вглядывался в меня, я стоял и слушал, и смотрел, как он на меня глядит. Рубашки у них были белые. Тело под ними смуглое. Я слышал, как белизна их рубашек касается плоти. Я знал, что они меня видят, как я стою и слушаю в темноте.

КАРДИНАЛ. Они разговаривали?

КАРАВАДЖО. Я слышал их шёпот и смех. Видел, как они прикасались друг к другу. Всё ещё молодые, всё ещё желанные, и я разозлился. Стало завидно. Они были совсем рядом, как вы, но в своей молодости, в желанности далеки от меня, точно звёзды в небе. Я хотел занести кулак и сорвать их с неба, и сбросить в канаву, где я нашёл их. Я хотел измарать белизну их рубашек кровью. Я хотел размозжить их хохочущие черепушки, слепить их вместе на веки вечные. Я хотел, чтобы этот убийственный треск в моих ушах зазвучал, как музыка. Я хотел их смерти. Я хотел, чтобы красная кровь хлестала из смуглой плоти, запятнала белизну их рубашек, и воскликнуть: это – картина, а это – цвет, и они прекрасны, они мертвы. Их там нет. Греха нет. Моего греха нет. Только моя картина, не грех. Я их не трогал. Я их не убивал. Я их возжелал. Господи, прости меня за обиду Тебе, ибо Ты есть главное добро и всякой любви достоин.

Молчание.

КАРДИНАЛ. Что мне делать с тобой, Караваджо?

КАРАВАДЖО. Вы не примете моего раскаяния?

КАРДИНАЛ. Я всегда полагал, ты одинок в этой жизни.

КАРАВАДЖО. Так и есть.

КАРДИНАЛ. Ты говорил мне как-то на исповеди, что был одним ребёнком в семье и родители твои много лет назад умерли.

КАРАВАДЖО. Да, говорил.

КАРДИНАЛ. К тебе приходили сегодня.

КАРАВАДЖО. Кто?

КАРДИНАЛ. Ты просишь прощения. Иногда простить – значит наказать. Думаю, на сей раз Господь назначил бы тебе в наказание встретиться с твоим посетителем.

КАРАВАДЖО. Кто он?

КАРДИНАЛ. Такой же священник. Я позволил ему дождаться тебя. Он утверждает, что он твой брат.

КАРАВАДЖО. Я же вам говорил, у меня нет в живых никого из родни.

КАРДИНАЛ. Зачем ты солгал?

КАРАВАДЖО. Это он солгал. У меня нет никакого брата.

КАРДИНАЛ. Он утверждает обратное. Удивительно, правда? Весьма любопытно. Я оказал тебе любезность, попросив его подождать, пока тебя известят о его прибытии. Побуду твоим слугой, Караваджо. Приведу твоего брата к тебе.
(Уходит.)

КАРАВАДЖО. Нет. Никакого брата. Никакого отца. Никакой матери. Умерли. Нет у меня никакого брата. Я не лгу. Я говорю правду. Я пишу правду.

Возвращается Кардинал. С ним Брат, Джованни Баттисти Меризи.

БРАТ. Почему ты заставил меня так долго ждать, Микеланджело?

Караваджо поворачивается спиной.

Не поворачивайся ко мне спиной.

Молчание.

Я приехал сюда увидеть тебя.

КАРАВАДЖО. Увидел. Уходи.

БРАТ. Сестра наша, Катерина...

КАРАВАДЖО. Нет у меня никакой сестры. Никакого брата. Никакого отца. Никакой матери. Нет никого в живых. У меня был брат. Он умер, его похоронили.

БРАТ. Не могли бы вы оставить нас одних, ваше преосвященство?

КАРАВАДЖО. Я не останусь наедине с этим лжецом.

КАРДИНАЛ. Он говорит, он твой брат. Я ему верю. Он священник.

КАРАВАДЖО. Он вор. По его виду всё ясно. Такие только и ждут, чего бы захватить. Поверьте мне, у меня нет никакого брата. Я не лгу.

Брат показывает Караваджо правую руку. На запястье намотаны чёрные чётки. Брат снимает чётки и протягивает Караваджо.

БРАТ. Это тебе от сестры.

Молчание.

От сестры нашей, от Катерины.

КАРАВАДЖО. Нет.

БРАТ. Ты же знаешь, чьё это.

Молчание.

Микеланджело.

КАРАВАДЖО. Никакого брата. Никакой матери. Нет у меня никакого... нет у меня никакого... брата никакого нет. Уходи.

Кардинал протягивает руку, желая взглянуть на чётки. Караваджо выхватывает их у Брата. Зарывается в них лицом. Кардинал кланяется им обоим и уходит.

Чего тебе надо здесь?

БРАТ. Тебя.

КАРАВАДЖО. Ради Бога.

БРАТ. Мы не знали, жив ты или умер.

КАРАВАДЖО. Я жив.

БРАТ. Я вижу.

КАРАВАДЖО. Как ты меня выследил?

БРАТ. Услыхал, что ты нашёл хорошего покровителя.

КАРАВАДЖО. Господи, вот оно как! Откровенно, по крайней мере. Мой Джованни, ты что, никогда не уймёшься? Никогда случая не упустишь.

БРАТ. Это возмутительно.

КАРАВАДЖО. Приполз на своём склизком животе, решил забраться сюда во дворец. Брат художник, большой любимец его преосвященства, дай-ка поцелую перстень да замолвлю за себя там, где надо, словечко, потому что такие связи, бляха, стоит поддерживать, я прав? Уёбывай. Никто в тебе здесь не нуждается, и никто не рад. Другую руку найди для своих лобызаний.

БРАТ. Хватит уже от меня отрекаться. Зачем ты так?

КАРАВАДЖО. Затем, дорогой братец, что ты лживый, вороватый ублюдок.

БРАТ. Не забывай о моём сани. Я хочу напомнить тебе, что сан священника...

КАРАВАДЖО. А я хочу напомнить тебе, что имел в жопу больше священников...

БРАТ. Закрой свой поганный рот!

КАРАВАДЖО. Не таскайся ко мне с лицом святоши и не ори здесь, ублюдок!

БРАТ. Не смей называть меня ублюдком. Это единственное, в чём тебе меня не упрекнуть. Ублюдок! Невысокого же ты мнения о своей родне, если кроешь её такими словами.

Молчание.

КАРАВАДЖО. Брат.

Молчание.

Как там Катерина?

Молчание.

Я спрашиваю, как там наша сестра.

БРАТ. Катерина молилась за тебя долго и мучительно.

КАРАВАДЖО. Может, она меня ещё спасёт. Скучает по мне?

БРАТ. Она простила тебя.

КАРАВАДЖО. Как обычно. Вышла замуж?

БРАТ. Вышла.

КАРАВАДЖО. Дети?

БРАТ. Есть.

КАРАВАДЖО. Красивые, как она?

БРАТ. Да.

КАРАВАДЖО. Здоровые и сильные, как все из породы Меризи?

БРАТ. Как все Меризи.

КАРАВАДЖО. Хорошо, хорошо, Катерина. Это мальчики, прекрасные мальчики?

БРАТ. Уже и до этого дошло?

КАРАВАДЖО. Что?

Молчание.

Господи, как ты только додумался?

Молчание.

Как ты только додумался до такого?

Молчание.

Ты и в самом деле меня ненавидишь. Всю свою жизнь я думал, это я должен бы ненавидеть. Но не ты. Ты думаешь, я поэтому спрашиваю про детей Катерины?

БРАТ. Прости.

КАРАВАДЖО. Вот именно.

Молчание.

Нет. Избавь меня от своих раскаяний, побереги для племянников. Им будет нужнее. Надеюсь, отец у них человек хороший. Господи, досталась же им парочка дядюшек, братик! Ты – евнух, я – хреносос. (*Смеётся.*)

БРАТ. Не называй себя так.

КАРАВАДЖО. Но это же правда.

Молчание.

Господи, да ты, никак, начнёшь по мне причитать?

БРАТ. Не начну.

КАРАВАДЖО. Раньше причитал.

БРАТ. Я был слишком молод, когда ты мне открылся. Многого не понимал. Да ты и сам плакал.

КАРАВАДЖО. Уже перестал.

БРАТ. Я тоже.

Молчание.

КАРАВАДЖО. Видел мои работы?

БРАТ. Картины? Да.

КАРАВАДЖО. Хороши?

Молчание.

БРАТ. Кардинал ими гордится.

КАРАВАДЖО. Ещё бы! Тебе не приглянулись?

БРАТ. Они бы скорее приглянулись человеку вечно недовольному.

КАРАВАДЖО. Вот кардинал как раз из таких.

БРАТ. Ты их стыдишься?

Молчание.

Их ты тоже стыдишься?

КАРАВАДЖО. Тоже?

БРАТ. Как стыдишься самого себя. И всегда стыдился. Я плакал только потому, что ты плакал, Лелло.

КАРАВАДЖО. Спасибо.

БРАТ. И ты хочешь, чтобы я тоже стыдился. Это дало бы тебе прекрасное оправдание вести ту жизнь, которую ты ведёшь. Жёсткий характер. Грязный язык. Непотребное поведение. Со мной не пройдёт. Я не доставлю тебе удовольствия своим негодованием. Никогда. Я знаю своего брата. Вот почему я приехал тебя увидеть. Я хочу прямого ответа на то, о чём тебя попрошу.

КАРАВАДЖО. Рискни.

БРАТ. Поедем домой. К нам домой. В дом нашего отца.

КАРАВАДЖО. Это твой дом. Оставь себе.

БРАТ. Уезжай из Рима. Ты здесь погибнешь. Посмотри на себя. Ты уже старик. Отчего? Нет, я не хочу знать отчего, но я знаю, что тебе надо бросить навсегда это место. Грязь и болезни – вот что тебя здесь ждёт. Поезжай домой. Живи в чистоте. Ты мне нужен.

КАРАВАДЖО. Ты в своей голове когда-нибудь выходишь за пределы дыры, которую называешь домом? Думаешь, я к ней до сих пор привязан?

БРАТ. Тогда зачем ты берёшь имя от нашей деревни – Караваджо?

КАРАВАДЖО. Потому что слишком много ношу в себе от неё. Достаточно, чтобы помнить, почему я тебя ненавижу.

БРАТ. Лелло!

КАРАВАДЖО. Господи, братец, а как ты со мной поступил много лет назад? Выудил всё небольшое, что досталось мне после смерти мамы.

БРАТ. Нет.

КАРАВАДЖО. Не отпирайся. Я тебе сам позволил. Какого хера, ты думаешь, я позволил тебе заграбастать за просто так всё, что было моё? Да была бы нужна мне хоть пядь того захолустья под названием дом, ты думаешь, я бы сдался без боя? Ты заполучил всё – чтоб распоряжаться по своему усмотрению. Это всё ваше, отец Джованни, берите на здоровье! Поехать домой, мне? Сначала скажи мне, где я его найду. Я не знаю. Но я знаю, что он не там, где я родился.

Молчание.

БРАТ. Поедем со мной.

КАРАВАДЖО. Нет.

БРАТ. Караваджо.

КАРАВАДЖО. Нет.

БРАТ. Домой, Микеланджело.

КАРАВАДЖО. Нет.

БРАТ. Меризи. *(Хватает Караваджо за руки.)*

КАРАВАДЖО. Я не стану жить на твоей земле.

БРАТ. Забирай. Она твоя. Поедем домой.

КАРАВАДЖО. Езжай. Езжай.

БРАТ. Лелло!

КАРАВАДЖО. Езжай.

БРАТ. Мама.

Караваджо рыдает.

КАРАВАДЖО. Я грязный. Я очень грязный.

БРАТ. Стань чистым. Поедем домой.

КАРАВАДЖО. Мама.

БРАТ. Домой.

КАРАВАДЖО. Мама умерла. В земле, её ноги в земле. В грязи, в могиле. Мертва. Хотела умереть. Совсем одна. Мама.

Брат обнимает Караваджо.

БРАТ. Лелло, не дай нам умереть вместе с тобою, брат. Меризи, как любишь ты наше имя, возлюби меня, сохрани меня навсегда. Сохрани нашу семью. Мне пришлось отобрать у тебя наследство, потому что я знал, ты продашь его за гроши первому встречному. Ты продал его мне, мне, не чужому. Я берёг его для тебя, ждал, когда ты будешь готов вернуться домой.

КАРАВАДЖО. Откажись от духовного сана. Роди ребёнка. Сына. Здоровых сыновей, много здоровых сыновей. Спаси отцовское имя.

БРАТ. Как много в тебе ещё от крестьянина.

КАРАВАДЖО. У нас земля. Кому она перейдёт, если ты не плодишься? Чужим сыновьям?

БРАТ. На мне запрет.

КАРАВАДЖО. На мне тоже. *(Высвобождается из объятий брата.)*

БРАТ. Отцовская земля.

КАРАВАДЖО. Нет, святой отец.

БРАТ. Плодись.

КАРАВАДЖО. Не буду.

БРАТ. Не можешь?

КАРАВАДЖО. Не могу.

БРАТ. Значит, ты и есть тот, кем себя называешь?

КАРАВАДЖО. Да, нет, да, нет, да, да.

БРАТ. Оставайся там, где тебе самое место, оставайся в этом гнезде порока. Ты рисуешь, глядя глазами пьяницы. Плохо. Будто бы спишь. Всё у тебя в темноте. Пьяный человек, который грезит о чём-то во сне. Кто станет слушать его пьяный ор? Кто на него посмотрит? Трескотня. Ты – сплошная трескотня. Ничего, кроме трескотни. Ничего после тебя не останется.

КАРАВАДЖО. У моей сестры есть сыновья. Сыновья Катерины.

БРАТ. Катерина умерла. Второй сын прикончил её при родах.

Караваджо засовывает руки себе в рот.

Она взывала к тебе в предсмертном вздохе. Вспомнить о ней. Вот почему я тебя искал. Я надеялся, Господь услышал её. Слава Богу, она не дожила, не увидела, за кого молилась. Не приближайся к её сыновьям.

Караваджо давится собственными пальцами.

Не возвращайся домой. Отец умер. Катерина умерла. Мать похоронили. Брат умирает у тебя на глазах. Всё, как ты пожелал. Твоя семья умерла. Ты никто.

КАРАВАДЖО. Я – Микеланджело Меризи да Караваджо. Я – Караваджо. Я – Микеланджело Меризи. Я себе и брат. Я себе и сестра. Сестра моя...

Молчание.

Сестра моя умерла.

Молчание.

Катерина, я боюсь смерти.

Брат уходит.

Джованни, брат мой, не оставляй меня в темноте. Я боюсь ночи. Мама, не преследуй меня. Я прочитаю молитвы. Я помолюсь за тебя, сестричка. Вернись живая ко мне. Выйди из мрака. Забери меня назад. Сделай зрячим.

Находит кувшин с вином, заливает в себя. Срывает со стен картины и гобелены, крушит комнату. С мешком краденого добра входят Лючио и Антонио. Лючио оглядывает комнату.

ЛЮЧИО. Господи, мужик, не пил бы ты в одиночку. Его преосвященство тут охренеть удар хватит.

КАРАВАДЖО. Ну и пусть хватит.

ЛЮЧИО. Улов тут что-то с чем-то, дядя. Видел бы ты, чего мы набрали.

АНТОНИО. Уматываем к чёрту, живо!

ЛЮЧИО. Погоди. Знаешь место, где лучше сбыть хороший товар по сходной цене?

КАРАВАДЖО. Да.

ЛЮЧИО. Присмотришь за нами?

КАРАВАДЖО. У меня есть нож.

ЛЮЧИО. И в ход пустишь?

Резким ударом Караваджо разрезает подушку, разбрасывая по комнате перья.

Вот что мне в тебе нравится. Ты такой убедительный.

АНТОНИО. Лючио, можно тебя на два слова.

ЛЮЧИО. Нет.

АНТОНИО. Мужик сумасшедший.

КАРАВАДЖО. Верьте мне.

ЛЮЧИО. Мы тебе верим.

АНТОНИО. Ты что, не видел?

ЛЮЧИО. Я вижу.

Заметив красный плащ, Антонио запикивает его в мешок.

КАРАВАДЖО. Я тоже. Я вижу ясно. Я вижу вот этот нож. Я вижу руку, что его держит. Я проклиная эту руку. Я проклиная свою жизнь. Я обрекаю свою душу на муки. Верьте мне. (*Уходит.*)

Затемнение.

Смерть

Лачуга Лены.

Потаскуха падает поперёк стола.

Лена сушит волосы. Рядом с ней на полу флакончик духов. Лена подходит к столу, трясёт Потаскуху, пытаясь разбудить.

ЛЕНА. Вставай, Анна. Подъём!

ПОТАСКУХА. Нет. Очень устала. Спать.

ЛЕНА. В другом месте проспишься. Ты и так тут хорошо подремала. Двигай давай. Я тебе не нянька.

ПОТАСКУХА. Нет, Лена, здесь тепло. Не приставай.

ЛЕНА. У меня не гостиница. Пришла на бровях и пойдёшь на бровях.

ПОТАСКУХА. Я устала, нет.

ЛЕНА. О, Господи, я сдаюсь. Сил нету спорить. Вот и торчи там всю ночь. И даже не пробуй забраться ко мне в постель, поняла? Спишь там и спи.

ПОТАСКУХА. Нет, ты меня разбудила. Не буду я спать.

ЛЕНА. А я буду, спокойной ночи.

ПОТАСКУХА. Не уходи от меня.

ЛЕНА. Самой себя испугалась?

Молчание.

ПОТАСКУХА. А я тебе говорила, кого видела нынче вечером?

ЛЕНА. Ты на ногах-то еле стояла – напилась, не то что говорить.

ПОТАСКУХА. Я не напилась. Я оцепенела. Мне было видение. Я увидела Господа нашего. Спасителя нашего Иисуса Христа. Он явился мне.

ЛЕНА. Второй раз уже в этом месяце. Зачастил.

ПОТАСКУХА. Не будь такой неучливой. Я встретила его после мессы. Вышла – и вдруг он стоит передо мной. Исполненный золотистым светом. Он показал мне, храни его, Господи, огромные раны у себя на боку и на животе. Дал мне засунуть руку. Огромные, как твои башмаки. Не знаю, как он пережил эти пытки, которые над ним учинили.

ЛЕНА. Не пережил.

ПОТАСКУХА. Да, видимо, не пережил. Он сообщил мне весть. Тайную весть.

ЛЕНА. Какую?

ПОТАСКУХА. Не могу тебе рассказать. Её можно открыть только Папе, а уж он должен поведать миру. Так что рассказать не могу. Только Отец наш Небесный может. Всё равно это тебя никак не касается. Да и меня, если на то пошло.

ЛЕНА. Зачем тогда сообщать тебе?

ПОТАСКУХА. Видать, я ему понравилась. Красивый мужчина. Очень высокий. Сильный такой. Чёрные волосы, густые, но длинноватые. Говорит – заслушаешься. Хочешь узнать, что за тайная весть?

ЛЕНА. Не хочу я влезать в ваши делишки с Папой.

ПОТАСКУХА. Тебе, Лена, я могу рассказать – ты знаешь, когда надо держать рот на замке. Он мне сказал – но это строго между нами, – что когда умирает Папа, то отправляется напрямик в рай. Им нечего бояться чистилища или ада. У нас на троне святого Петра всегда есть живой святой. Что, плохая новость для них? Иисус в восторге от их грандиозной работы и выбрал меня передать миру это известие.

ЛЕНА. Я иду спать.

ПОТАСКУХА. Остайся, поддержи компанию.

ЛЕНА. Иди уже в свою койку.

ПОТАСКУХА. Где мой дом, где пристанище? Никому не нужна. Даже тебе.

ЛЕНА. Не посреди же ночи!

ПОТАСКУХА. Я научила тебя всему, когда ты первый раз вышла на охоту. Я заботилась о тебе. А теперь только обуза.

ЛЕНА. Я помню.

ПОТАСКУХА. Вот помру – никто даже не заскучает. Никто даже не заметит, что меня нет. Меня даже не похоронят.

ЛЕНА. Может, ты воскреснешь на третий день.

ПОТАСКУХА. Меня скормят собакам.

ЛЕНА. Они подохнут от алкогольного отравления.

ПОТАСКУХА. Смейся, смейся. Доживёшь до моих лет...

ЛЕНА. И подохну от алкогольного отравления.

ПОТАСКУХА. Есть что-нибудь в доме?

ЛЕНА. Дёрнуло ж за язык!

ПОТАСКУХА. А вдруг стаканчик на ночь нам поможет уснуть?

ЛЕНА. Я сама усну, и без всякой помощи.

ПОТАСКУХА. Ерунда, я настаиваю. Где?

ЛЕНА. Нет, тебе уже хватит.

ПОТАСКУХА. В тот день, когда мне уже хватит, меня выловят из реки, которую я осушу до дна. Где?

КАРАВАДЖО (*за сценой*). Лена!

ПОТАСКУХА. Кого там черти несут?

ЛЕНА. Убирайся отсюда, женщина.

КАРАВАДЖО. Лена!

ПОТАСКУХА. Если это клиент, может, он захочет кого постарше.

ЛЕНА. Лучше уйди.

ПОТАСКУХА. Иди в жопу, Лена. Могу я попытать счастья? Это ты у нас разборчивая.

КАРАВАДЖО. Господи,пусти же меня!

ЛЕНА. Уйди!

ПОТАСКУХА. Нет!

ЛЕНА. Тогда сиди там и помалкивай.

КАРАВАДЖО. Лена!

Лена уходит.

ПОТАСКУХА. Где она, интересно, прячет выпивку?

ЛЕНА (*за сценой*). Ты где? Темно, я тебя не вижу. О, Господи! Лелло! Воды! Анна, ты слышишь?

ПОТАСКУХА. Чего?

ЛЕНА. Воды! Заводи его. (*Входит.*) Таз, воду. Живо. И полотенце.

ПОТАСКУХА. Сейчас. А зачем?

ЛЕНА. Неси!

Отираясь на Люцио, входит Караваджо. У него раны на затылке и на лице. Рубашка в крови. Лена принимает его у Люцио. Входит Потаскуха с тазом воды и

полотенцем. Лена смачивает полотенце водой и показывает на флакончик с духами. Потаскуха приносит. Лена принимается отирать кровь с Караваджо. Потаскуха не сводит с него глаз.

ПОТАСКУХА. Ой, Господи Иисусе, Боже милосердный! Бедненький Лелло! Что с тобой приключилось, сынок? Несчастье?

ЛЕНА. Не лезь!

ПОТАСКУХА. Я только спросила.

ЛЕНА. Займись своим делом.

ПОТАСКУХА. Буду сидеть здесь и помалкивать, но предупреждаю, у меня желудок крутит при виде крови. Нет у тебя ничего успокоить?

Молчание.

Как со стеной разговариваешь.

Лена снимает с Караваджо рубашку.

Господи, желудок у тебя лошадиный. Я б и взглянуть...

ЛЕНА. Ради Бога, Анна!

ПОТАСКУХА. Знаю я, где мне не рады.

ЛЕНА. Да, не рады.

ПОТАСКУХА. Вот только из вредности и останусь.

ЛЕНА. Подними голову.

Осматривает раны у Караваджо на голове. Пробегает ладонью по волосам, кончиками пальцев дотрагивается до раны. Караваджо вскрикивает.

Ничего, неглубокая. Жить будешь. Сейчас промою. (Смывает кровь с головы Караваджо. Тянется за духами.) Сладко будешь пахнуть, как ребёночек. (Обрабатывает рану духами.) Жжёт.

ПОТАСКУХА. Да он выдержит, он же парень храбрый. Ты же парень храбрый же? А?

КАРАВАДЖО. Заебала!

ПОТАСКУХА. Восхитительно!

КАРАВАДЖО. Прогони её.

ПОТАСКУХА. Не надо так делать, Лена. Какой от меня вред? Это тебе хватает наглости вламываться в приличный дом и пугать достойных женщин до полусмерти. А мне хватает ума...

Караваджо с трудом поднимается на ноги.

И не угрожай мне. Я тебя предупреждаю. Встречала я таких, как ты. Позор для мужского рода. В моё время мужчины были мужчинами и уважали женщин. Не подходи ко мне, слышишь!

Караваджо хватает её за шею.

Лена, он псих. Он убьёт меня.

Караваджо подтаскивает её к тазу с кровавой водой и окунает туда лицом. Ослабив немного хватку, удерживает её голову над тазом. Потаскуха сплёвывает воду. Караваджо отпускает её и, пошатываясь, ковыляет к креслу.

Иди в жопу, со мной и похуже обращались. А я всё равно не уйду!

Караваджо смеётся.

Смотри, как внезапно выздоровел!

КАРАВАДЖО. Говорить будешь, когда с тобой заговорят.

ЛЕНА. Что произошло?

Молчание.

ЛЮЧИО. Он...

КАРАВАДЖО. Заткнись.

ЛЕНА. Убитые есть?

Караваджо кивает.

Кто?

Караваджо пожимает плечами.

Кто убит?

КАРАВАДЖО. Человек.

ЛЮЧИО. Это была честная драка. Караваджо неподражаем. Охренеть просто, волшебство, вот ей-богу. А парень сам напросился, вот и огрёб.

ЛЕНА. Что он сделал?

ЛЮЧИО. Он нас обозвал.

ЛЕНА. Как?

ЛЮЧИО. Девчонками нас назвал. Не того вздумал оскорблять. Вас он тоже, сударыня, оскорбил. Тут ваш-то вообще как с цепи сорвался.

ЛЕНА. Как он меня оскорбил?

ЛЮЧИО. Он назвал вас, ну, сказал, что вы...

ЛЕНА. Кто? Потаскуха? Лена-потаскуха? Гордость пьятца Навоны? Так он меня оскорбил? Потаскухой?

ЛЮЧИО. Ну, да.

ЛЕНА. Он прав. И вы за это убили?

ЛЮЧИО. Разгорячились. Они играли в...

ЛЕНА. Да плевать мне, во что...

ЛЮЧИО. Он не просто же обзывался. Облапошить нас захотел – за товар не заплатить, который мы спёрли у кардинала в доме...

ЛЕНА. Что? Что вы оттуда взяли?

ЛЮЧИО. Тони с ним убежал. Он жестокости не выносит, поэтому, когда завязалась драка, он смылся. Надо найти засранца, а то променяет всё добро за тарелку спагетти.

Караваджо смеётся.

ЛЕНА. Ты придурок, блядь. Ты придурок, блядь.

КАРАВАДЖО. Прошло как по маслу.

ЛЕНА. Я этого ожидала.

ЛЮЧИО. Он сам напросился.

ЛЕНА. Кто он?

КАРАВАДЖО. Чем меньше знаешь, тем лучше.

ЛЕНА. У него связи?

КАРАВАДЖО. У меня лучше.

ЛЕНА. Так тебе ничего не грозит?

КАРАВАДЖО. Не то чтобы не грозит. Но лучше ненадолго уехать. Мне нужны деньги.

ЛЕНА. Много тебе надо?

КАРАВАДЖО. Сколько дашь.

ЛЕНА. Ты не в состоянии сегодня бежать. Схоронись здесь.

КАРАВАДЖО. Скоро начнут искать.

ЛЕНА. Я совру.

КАРАВАДЖО. А она?

ЛЕНА. Она своя. Он?

КАРАВАДЖО. Ему жизнь дорога.

Лена идёт к двери.

Куда ты пошла?

ЛЕНА. Доносить. Устраивает?

КАРАВАДЖО. Мне надо выпить.

ЛЕНА. Вот тебе, выкуси! (*Уходит.*)

ПОТАСКУХА. Лена – хорошая девочка.

Молчание.

Не обижай её, ладно?

Молчание.

Я почти вышла замуж за человека, которого убили в драке. Я так никогда и не оправилась. Никогда.

Молчание.

Я была красивой когда-то. Она проходит, красота. Ветер её уносит. Я ходила по Риму и смотрела, как весь мир глядит на меня. Они и сейчас смотрят, но я никогда на них не оглядывалась. Красота.

КАРАВАДЖО. Красивый был человек.

ПОТАСКУХА. Который человек?

КАРАВАДЖО. Который мёртвый.

ПОТАСКУХА. Я никогда не смотрю на мёртвых.

КАРАВАДЖО. Мёртвые все красивые?

ПОТАСКУХА. Прекращай эти разговоры.

КАРАВАДЖО. Я не замечал, какой он красивый, пока не увидел кровь. Она ему шла. Плоть и кровь. Красиво.

ПОТАСКУХА. Ты его убил, потому что он тебе отказал? Запал на него?

КАРАВАДЖО. Я шёл за ним. Выжидая, когда убить. Всю свою жизнь. Может быть, он шёл за мной. Наконец мы соприкоснулись.

ПОТАСКУХА. И чего пидарасу гоняться за Леной?

КАРАВАДЖО. Чего старой карге гоняться за любовью?

ПОТАСКУХА. Я не карга и за любовью я не гоняюсь.

КАРАВАДЖО. А я пидарас и не гоняюсь за Леной, но ты гоняешься за любовью.

ПОТАСКУХА. С чего ты вот это взял?

КАРАВАДЖО. Я вижу твоё лицо. Могу рассказать, что с ним случилось. Ты утопила его в вине и утопишь в воде. Ты никогда не была красивой. Просто вообразила. И поверила в то, что вообразила. Но её там не было. Красоты. Никогда не было, женщина.

ПОТАСКУХА. Что пидарас может понимать в женщинах? Вы их всех ненавидите, потому что сами женщиной не родились.

ЛЮСИО. Хули ты понимаешь.

ПОТАСКУХА. Я уже чувствую от тебя запах гнили.

КАРАВАДЖО. Ветер не уносил твою красоту. Он выставил напоказ твоё уродство. Ты ходила по Риму в надежде, чтоб кто-то тебя заметил, но над тобой как смеялись в молодости, так смеются над тобой и сейчас. Ты всё ещё выглядываешь, кто бы тебя заметил. Ну, я заметил. Поступи теперь со своей жизнью, как надо. Покончи с ней. Ступай к реке. Вот там тебе рады, а больше нигде.

ПОТАСКУХА. Ты – сама смерть!

КАРАВАДЖО. Смерть. И ты вся ею прогнила.

Входит Лена.

ЛЕНА. Хочешь выпить?

Потаскуха идёт к двери.

ПОТАСКУХА. Мне хватит.

ЛЕНА. Куда ты пошла?

ПОТАСКУХА. Отдохнуть.

ЛЕНА. Ни слова никому, слышишь?

ПОТАСКУХА. Кто услышит призрака, говорящего из реки? (*Уходит.*)

ЛЕНА. Анна!

Молчание.

ЛЮЧИО. Я тоже лучше пойду. Не наливайте мне.

ЛЕНА. Я и не собиралась.

ЛЮЧИО. Ладно, я попробую этого отыскать, Антонио. Если найду, можно его для надёжности сюда привести?

Молчание.

Не против?

КАРАВАДЖО. Уматывай.

ЛЮЧИО. Буду смотреть в оба, вдруг они тебя уже ищут, и вернусь скажу. Ладно?

Молчание.

Ладно. Увидимся. (*Уходит.*)

КАРАВАДЖО. Пить.

Лена наливает вина и протягивает Караваджо. Он целует ей руку, трогает волосы.

ЛЕНА. Они ещё мокрые.

Караваджо целует волосы Лены. Она садится рядом, утыкаясь лицом ему в плечо. Караваджо поднимает руки к её лицу, останавливается, сжимает руки в замок. Лена встаёт и отходит в сторону.

Куда ты поедешь?

КАРАВАДЖО. В горы, к югу от Рима. Были знакомые с давних времён. Надеюсь, ещё там. Оттуда в Неаполь. Сраный Неаполь. Они пожирают маленьких в этом Неаполе. (*Издаёт протяжный вопль, похожий на детский плач. Смеётся.*) Ну, ты чего, Лена? Неаполь. Отвечай. Ты же терпеть не можешь...

ЛЕНА. Не в том настроении.

Молчание.

Ты никогда сюда не вернёшься?

КАРАВАДЖО. Нет. Ты будешь рада?

ЛЕНА. Да какая тебе, на хрен, разница, любовь моя?

Молчание.

Ну?

Молчание. Лена протягивает Караваджо несколько монет.

Хватит?

Караваджо считает деньги.

КАРАВАДЖО. Нет.

ЛЕНА. Всё, что могу.

КАРАВАДЖО. Больше нет?

ЛЕНА. Не для тебя. Мне и о себе надо подумать.

Молчание.

КАРАВАДЖО. Я просто хочу...

ЛЕНА. Сколько есть. Сколько заслужил.

Пьют.

КАРАВАДЖО. Моя жизнь превратилась в безумие, я разрушил... я убил...

Молчание.

Лена.

Молчание.

Помоги мне.

ЛЕНА. Заткнись.

КАРАВАДЖО. Можешь забрать мои вещи.

ЛЕНА. Сожги их.

КАРАВАДЖО. Сжечь.

Молчание.

Похоронить.

ЛЕНА. Мертвецов.

КАРАВАДЖО. наших мертвецов.

Молчание. Лена принимается укачивать воображаемого младенца.

ЛЕНА. Как назовём детёныша?

КАРАВАДЖО. Не называй нашего сына детёнышем.

ЛЕНА. Ладно.

КАРАВАДЖО. Даже не споришь, что это мальчик?

ЛЕНА. Станешь спорить – разбудишь детёныша.

КАРАВАДЖО. Сына.

ЛЕНА. Пусть сынок спит.

КАРАВАДЖО. На кого он похож?

ЛЕНА. На отца.

КАРАВАДЖО. Ну, что ты, он мамочкин сын.

ЛЕНА. Нет, папочкин. И он умер, Лелло. Ребёнок умер.

КАРАВАДЖО. Нет.

ЛЕНА. Умер. Я не доглядела, он выскользнул у меня. Упал.

КАРАВАДЖО. Ты не виновата.

ЛЕНА. Я убила его.

КАРАВАДЖО. Он родился мёртвым.

ЛЕНА. Сынок. Мой сынок.

КАРАВАДЖО. Лена.

ЛЕНА. Я хотела его. Я хотела ребёнка.

КАРАВАДЖО. Всё давно позади.

ЛЕНА. Никогда больше на меня не смотри. Не прикасайся ко мне.

Молчание.

Мне надо пройтись по городу.

КАРАВАДЖО. Я с тобой.

ЛЕНА. Тебя схватят. За нами будут следить. Иди спать.

КАРАВАДЖО. С тобой.

ЛЕНА. Иди в жопу, иди в жопу, иди в жопу.

КАРАВАДЖО. А ребёнок?

ЛЕНА. Ребёнок умер. Ты понимаешь? Умер.

КАРАВАДЖО. Нет. Наш сын...

ЛЕНА. Никогда не рождался. Ты не смог зародить во мне новую жизнь. Ты несёшь только смерть. Поэтому тебе надо было убить, разве нет? Ты хочешь проникнуть во тьму. Тьма – единственное, что ты способен видеть. Чтобы дать жизнь, надо любить свет. А ты любишь тьму. Уйди от меня. Ты педик. Я люблю тебя, но ты педик. Смотри на этого педика. Смотри на его тьму. Смотри на себя самого. Не смотри на меня. Не смотри на меня больше.

Молчание.

КАРАВАДЖО. Я пойду.

ЛЕНА. Останься.

КАРАВАДЖО. Я устал, Лена.

ЛЕНА. Останься. Поспи. Хочу посмотреть, как ты спишь. Последний раз. Увидеть, как тебе снится сон.

КАРАВАДЖО. Можно, я прилягу к тебе?

Лена немного откидывается назад, приглашая Караваджо лечь. Он кладёт голову ей на колени.

ЛЕНА. Спи. Смотри сон, сынок. Смотри сон.

Начинается сон. Появляется призрак Сестры, Катерины Меризи.

Спи. Смотри сон.

СЕСТРА. Сон, возьми меня в свой сон, Лелло.

ЛЕНА. Спи, сынок, мать твоя потаскуха.

СЕСТРА. Мать твоя – это ты и есть.

ЛЕНА. Отец – козёл.

СЕСТРА. Отец тебя кличет, Лелло.

ЛЕНА. Козёл и потаскуха, волшебный козёл и девушка.

СЕСТРА. Кто эта девушка, Лелло, ты взял её в жёны?

ЛЕНА. Дева поймала единорога – вот и вся наша свадьба.

СЕСТРА. У вас был ребёнок?

ЛЕНА. Ребёнок, зачатый для смерти. Я тоже хочу умереть.

СЕСТРА. Спи. Оставь его, Лена. Спи.

Лена засыпает.

Открой глаза. Ты меня видишь, брат? Лелло, брат мой, взгляни на меня.

КАРАВАДЖО. Катерина. Сестра. Катерина. (*Бросается к ней с объятиями.*)

СЕСТРА. Не приближайся, Лелло.

КАРАВАДЖО. Почему?

СЕСТРА. Не надо целовать труп.

КАРАВАДЖО. Мы в могиле?

СЕСТРА. Нет, мы во сне.

КАРАВАДЖО. Сестра, почему ты здесь?

СЕСТРА. Умерла. Сама, Лелло, родила себе смерть. Ребёнок разодрал моё тело. Я умерла, проклиная родного сына.

КАРАВАДЖО. Кроткая моя сестра...

СЕСТРА. Кроткая? Вечно кроткая. Слишком кроткая. Такая кроткая, что они распотрошили меня – дали мужу сохранить сына. Помнишь, Лелло, какой я была?

КАРАВАДЖО. Шёлк, ты на ощупь была, как шёлк, твой любимый цвет – чёрный. Будь я богат, я купил бы для сестры шёлка, чёрного шёлка, и написал её.

СЕСТРА. Я поносила чёрное. Это была моя кровь. Ребёнок меня отравил. Его вырезали, и что-то по мне растеклось. Я даже завопить не могла, чтоб унять, но я видела, что чем-то покрыта и оно чёрное. Это была моя кровь. Я умирала и что плохого кому я сделала?

КАРАВАДЖО. Ничего.

СЕСТРА. За что я была наказана? За что я страдала?

Молчание.

Я не умерла, проклиная ребёнка. Я не проклинала его отца. Я прокляла всех детей и всех отцов, и я прокляла Господа, что сотворил женщину.

КАРАВАДЖО. Что сотворил человека.

СЕСТРА. Покажи руку.

КАРАВАДЖО. Зачем?

СЕСТРА. Покажи.

Караваджо протягивает Сестре руку.

Грубая рука.

КАРАВАДЖО. Никогда не прекращаю работать. Если перестану – умру.

СЕСТРА. Рука твоя хочет покоя. Плоть твоя знает, что её сгубит. Работа тебя убьёт.

КАРАВАДЖО. Неправда. Плоть ошибается. Всё тело моё ошибается. Только разум знает.

СЕСТРА. Что же он знает?

КАРАВАДЖО. Знает себя. Знает всё. Всё видит. Дозволяет писать мне чужую плоть.
Любит её. Ненавидит собственную. Ненавидит тело. Желает ему смерти.

СЕСТРА. У плоти был мёртвый сын.

КАРАВАДЖО. Разум был счастлив, разум смеялся.

СЕСТРА. Разуму неплохо и одному.

КАРАВАДЖО. Сын был из плоти, как тело, и тело не смеялось над мёртвым сыном.
Прости моё тело.

СЕСТРА. Оно поступает как должно.

КАРАВАДЖО. Тело устаёт.

СЕСТРА. Бедная плоть, хочет перестать видеть. Хочет уснуть.

КАРАВАДЖО. И не видеть снов. Не писать. Не всё время.

СЕСТРА. Перестань работать.

КАРАВАДЖО. Но разум никогда не перестаёт видеть. Я работаю. Я пишу. Я пишу
хорошо. Я могу доказать. Могу позвать свидетелей и доказать.

СЕСТРА. Позови.

КАРАВАДЖО. А они услышат?

СЕСТРА. Они уже здесь.

Слуга вводит Кардинала, одетого в лохмотья. Кардинал визжит.

СЛУГА. Не ори.

Кардинал скулит.

Я всё сказал.

КАРАВАДЖО. Он нас слышит?

СЛУГА. Он не слышит никого, кроме себя.

КАРАВАДЖО. Господин кардинал!

СЛУГА. С тобой разговаривают!

КАРАВАДЖО. Ваше преосвященство!

СЛУГА. Отвечай.

Караваджо подходит к Кардиналу. Кардинал визжит.

КАРАВАДЖО. Караваджо, это я, Караваджо. Вы меня помните?

Кардинал что-то громко бормочет. Постепенно в его бормотании можно уловить слово, напоминающее «хлеб».

Хлеб? Вы помните хлеб? Его запах? Свежий, румяный, как ваши любимые мальчики? Помните, как вы ели? Ели со мной? Пили. Исповедовали. Помните?

СЛУГА. Бесполезно, приятель. Я не раз пробовал завести осмысленный разговор с этой старой паскудой. Ещё за ним походить, и тоже из ума выживу. Хотя иногда он делает что говорят. Вот тогда он умница, да?

КАРДИНАЛ. Умница. Умница.

СЛУГА. А когда ты умница, тебя кормят, да?

КАРДИНАЛ. Хлеба.

СЛУГА. Ты морил меня голодом у себя во дворце, пока тебе не взбрѣдет поесть. Кормил своих шлюх хорошим мясом. А мне с твоего стола доставались объѣдки. Смотри, чем кормили тебя твои шлюхи. Укладывал их в мягкую постель. А я дрожал под дверью в ожидании, когда понадобится тебе услужить, тебе и жалким остаткам твоего грязного конца. А теперь ты просишь у меня хлеба. Вот тебе хлеб от меня.

Слуга распахивает рубаику, и Кардинал принимается сосать его грудь. Слуга резко отталкивает его.

КАРАВАДЖО. Вы знаете, кто вы?

КАРДИНАЛ. Умница, умница. (*Протягивает Караваджо руку.*) Умница, целуй, умница.

Караваджо целует руку.

Святой.

КАРАВАДЖО. Кто...

КАРДИНАЛ. Отец.

КАРАВАДЖО. Кто святой?

КАРДИНАЛ. Бог. Бог видел. Больше, чем ты мог видеть, он видел. Добрый бог. Злой бог. Бог видел добро и зло. Ты видел зло. Он видел, как я скрывал твоѣ зло. Бог видел меня в твоѣм зле. И отец мой, святой отец, скрывает меня от Господа. Святой отец сказал: спасай себя сам. Не грехи больше. Не грехи больше. Ты, молись за меня. Не пиши больше. Не пиши больше. Молись.

КАРАВАДЖО. Поди прочь от меня навсегда.

КАРДИНАЛ. Благословенны будь руки, что свершают миропомазание железом. Благословен будь язык, что извергает проклятия на мою голову. Благословенны будь ноги, что грядут дорогой на вечные муки. Благословенны будь очи, что зрят эти самые муки, ибо искали они истину и не нашли её. Я искал Господа и не нашѣл

его, Караваджо. Нету там ничего. Никого там нет. Даже тебя, великий художник. Вот так вот. Ничего. Никого. Остерегайся греха гордыни, сын мой. Остерегайся власти Господней. Только не веруй. Не веруй.

Кардинал и Слуга исчезают.

КАРАВАДЖО. Господи, храни меня. Господи, спаси меня, Господи, храни меня. Спаси меня.

СЕСТРА. От чего?

КАРАВАДЖО. От такой смерти.

СЕСТРА. Есть и другие смерти.

КАРАВАДЖО. Чьи?

СЕСТРА. Тех, кто не даст о тебе забыть.

КАРАВАДЖО. Кто?

Появляется Лючио, прижимая к себе разорванное одеяло. Появляется Антонио, лицо его обезображено. Появляется Потаскуха, мокрая насквозь.

ПОТАСКУХА. Караваджо.

АНТОНИО. Караваджо.

ЛЮЧИО. Караваджо.

АНТОНИО. Услышь нас.

ЛЮЧИО. Узри нас.

ПОТАСКУХА. Дотронься до нас.

АНТОНИО. Напиши нас, напиши нас.

ПОТАСКУХА. Расскажи ему.

ЛЮЧИО. Расскажи ему, что он писал, чего он касался, что видел, слышал.

ПОТАСКУХА. Видишь меня, Караваджо? Ты послал меня на реку утопить мои скорби. В реке я нашла любовника – он встретил меня холодным объятием. Я рыдала по своей жизни, и слёзы меня превратили в соль, ибо я не смогла раствориться в тех водах. Я не боролась со смертью, я была ей рада, но смерть не была рада мне. Она выталкивала меня из воды, а я билась за то, чтобы умереть, не жить. Я не хотела жизни, дарованной мне.

АНТОНИО. Я пытался тебя покорить однажды, когда был красив. Я боялся покорять, боялся, что кто-то однажды ночью меня убьёт. Так и вышло. То, что он посеял во мне, оно выросло. Ужасным цветком. Высосало из меня жизнь. Мальчик с

корзиной фруктов. Ты помнишь? Красивый мальчик, рубашка спала с плеча, и фрукты при смерти в золотистой вазе. Мальчик с корзиной прекрасных фруктов. При смерти.

КАРАВАДЖО. Скажи, что это не я тебя заразил.

ЛЮЧИО. Ты увидел его. Ты его не касался.

КАРАВАДЖО. Я знаю твой голос.

ЛЮЧИО. Ты знал и моё лицо.

КАРАВАДЖО. Оно изменилось.

ЛЮЧИО. От голода. Я умер голодной смертью. Я ухаживал за ним во время болезни. Все знали, что я спал с ним, и когда он умер, не стало и заработка. Ни за что другое я не мог взяться. Я умер от голода, Караваджо. Желудок меня убил. Голодный. Я умер измождённый. Как старик. Почему ты меня не спас?

КАРАВАДЖО. Я не мог.

ЛЮЧИО. Ты не хотел.

КАРАВАДЖО. Зачем вы со мною так? Во всём, что вы швыряете мне в лицо, я невинен.

ПОТАСКУХА. От воды.

ЛЮЧИО. От голода.

АНТОНИО. От заразы.

ЛЮЧИО. Твоя беднота, Караваджо.

АНТОНИО. Твои натурщики, Караваджо.

ПОТАСКУХА. Твой хлеб и сыр, Караваджо.

ЛЮЧИО. Твой гений.

ПОТАСКУХА. Твоя репутация.

АНТОНИО. Твои жертвы.

ПОТАСКУХА. Лучше бы нам никогда не родиться.

ЛЮЧИО. Лучше бы нам никогда не увидеть дневного света.

АНТОНИО. Ты вывел нашу породу на свет.

ПОТАСКУХА. Верни нас во тьму.

Исчезают.

Сестра берёт Караваджо за руки.

Молчание.

КАРАВАДЖО. Дай мне умереть, Катерина. Дай умереть. Покажи мне смерть. Дай умереть.

СЕСТРА. Возвращайся домой, сынок. Возвращайся ко мне.

КАРАВАДЖО. Кто ты?

СЕСТРА. Я здесь, Лелло.

КАРАВАДЖО. Мама?

СЕСТРА. Ты голодный, сынок?

КАРАВАДЖО. Ты умерла, мама. Я тебя схоронил. Положил тебя в землю. Поди от меня.

СЕСТРА. В моём доме пусто. В нашем доме. Пойди и наполни его сыновьями. В нашем доме нужны живые.

Молчание.

Сынок.

КАРАВАДЖО. Я запятнал твою память грехом. Ты знаешь своего сына. Он знает свой грех. Это смертный грех. Поди от меня.

СЕСТРА. Тебе нужен отец?

КАРАВАДЖО. Больше нет.

СЕСТРА. Поговори с отцом.

КАРАВАДЖО. Не хочу его видеть.

СЕСТРА. Я чужой тебе?

Молчание. Сестра протягивает руки к Караваджо.

Что не так, сын? Стал слишком большой для нежностей? Да, наверно. Я легко забываю. Я рано тебя оставил. Почему ты плачешь? Перестань. Поезжай к отцу.

КАРАВАДЖО. Нет.

СЕСТРА. Что привело бы тебя домой?

КАРАВАДЖО. Любовь. Люблю тебя, хочу тебя видеть. Я был слишком молод, когда ты умер.

СЕСТРА. Но ты-то остался жив. А живые важнее мёртвых. Твоё место с ними, а не со мной, кого давно схоронили. Возвращайся. Живи.

Молчание.

То, что я говорю, это правда, услышь меня.

Караваджо достаёт нож и наставляет на Сестру.

Слишком поздно, сын, слишком поздно. Вонзить это в отца всё равно что вонзить в собственную тень. Я теперь воздух.

КАРАВАДЖО. Следи за мною, отец. (*Взмахивает ножом в воздухе, словно пишет кистью картину.*) Вот как я умираю. Как убиваю себя. Вот как я пишу. Всех живых. В их жизни я вижу свою смерть. Я не могу остановить руку. Я не могу остановить смерть. Но я могу подарить мир всему, что пишу.

СЕСТРА. Тогда подними свою руку с миром. Пиши.

Сестра забирает нож у Караваджо. Он поднимает руки. От его поднятых рук исходит свет, выводя из тьмы Потаскуху, Антонио и Лючио. Караваджо заговаривает с Потаскухой.

КАРАВАДЖО. Ты наглоталась речной воды. Тебя выловили. Насквозь промокшей бросили в сухую землю. Мокрой от греха, как все мы мокры от греха. Молись за нас, грешных, и ныне, и в смертный час. Прости нас, грешных, потонувших в скорби по грехам нашей плоти, и если нельзя утереть мне твои грехи, дай мне вытереть твою плоть.

Своей рукой вытирает Потаскухе руку.

Сухая.

Подходит к Антонио.

Мальчик вспоминал об отце, об отцовских объятиях. Никто не слушал. Он грохнул золотым блюдом, чтобы люди его услышали. Я услышал – увидел – мальчика с корзиной фруктов. Я сотворил из тебя золотую корзину, и всяк, кто вкусит от тебя, станет чист, ибо нет на тебе порока.

Стирает следы болезни с лица Антонио.

Чист.

Подходит к Лючио.

Я вкусил от твоего тела. Было хорошо. Мы смеялись в ту ночь. Ты лил на меня вино и жадно лакал. Ты был богом, богом вина. Я хотел испить твоё божество, твою плоть и кровь. Виноград. Бог виноградной лозы, великий Вахх, живи вечно.

Целует Лючио.

Вот. Отец, когда я говорю, я вижу. Когда дышу – выдыхаю пламя. Когда я люблю – рычу. Я открываю рот. Я меняю цвет. Подите ко мне, мои звери. Откройте клетку молчания. Выходите из леса, переступайте рамы.

Свет над Антонио, Потаскухой и Лючио становится ярче.

СЕСТРА. Кто эта птица, чей голос, как золото?

Музыка. Потаскуха, Лючио и Антонио подходят к Караваджо. Потаскуха касается его пальцев. Антонио касается его глаз. Лючио целует его.

Дракон, выдыхай своё жаркое пламя.

Конь, отверзи свой верный рот.

Бык, награди беспокойным сердцем.

Ящерица, поменяй себе цвет.

Заяц, возляг со спящей собакой.

Орёл, огляди всевидящим оком.

Собака, в игру вступи с раненым львом

Лев, прорычи свой плач о любви.

Кто эта птица, чей голос, как золото?

Единорог, сохрани человека.

Единорог, спаси человека.

Единорог, сохрани человека.

Единорог, спаси человека.

ПОТАСКУХА. Живи.

АНТОНИО. Живи.

ЛЮЧИО. Живи.

КАРАВАДЖО. Свет.

Лючио, Антонио и Потаскуха исчезают.

Папа, я боюсь темноты. По ночам мне всякое видится. Я хочу сказку, и я засну. Я встретил во сне сестру. Она сказала, что она – это ты и мама. Она сказала, что я умру, как умерли все – как она умерла, как мама, как ты. Я не хочу умирать. Я хочу тебя видеть. Расскажи мне сказку. Отец.

Молчание.

Отец.

СЕСТРА. Что стряслось?

КАРАВАДЖО. Он ушёл от меня. Вы все от меня ушли. Темно. Я хочу сказку.

СЕСТРА. Жил да был мальчик.

КАРАВАДЖО. Что с ним случилось?

СЕСТРА. Он родился.

КАРАВАДЖО. Где?

СЕСТРА. В глубине материнской утробы.

КАРАВАДЖО. А потом?

СЕСТРА. Он выпал оттуда и стал мужчиной сам по себе, в день, когда умер его отец.

КАРАВАДЖО. Сын своего покойного отца, он сбежал из дома, чтоб увидеть мир и увидеть себя, и написать их вместе.

СЕСТРА. Если он мог писать, он мог видеть и говорить вечно, не умирая.

КАРАВАДЖО. И он писал тьму и свет, ибо произошёл от отца из материнской тьмы, и он хотел помнить, помнить о том, чем он был.

СЕСТРА. Он называл то, что руки его говорили и видели, он называл это живописью.

КАРАВАДЖО. Только в живописи может померкнуть свет, а тьма озариться.

СЕСТРА. Не перестанут глаза его видеть, а руки работать; это рабочие руки, и в работе, в живописи они обретают мир.

КАРАВАДЖО. Покой.

СЕСТРА. Мир.

Молчание.

КАРАВАДЖО. Я умру?

СЕСТРА. Но не в этом сне.

КАРАВАДЖО. Значит, я буду жить.

СЕСТРА. Живи.

КАРАВАДЖО. Ещё не конец. Я буду жить.

Сестра исчезает.

Караваджо.

Молчание.

Микеланджело Меризи да Караваджо.

Молчание.

Лена.

Караваджо кладёт голову к ней на колени. Лена просыпается. Она гладит Караваджо по спине, по голове, будит.

ЛЕНА. Вставай, животное, не опухнешь спать-то? Давай, уже день почти.

КАРАВАДЖО. Что?

ЛЕНА. День уж почти.

КАРАВАДЖО. Да. (*Поднимается.*)

ЛЕНА. Есть у меня тут нечего.

КАРАВАДЖО. Ничего не хочу. Я сыт.

Молчание.

ЛЕНА. Куда ты сперва пойдёшь?

КАРАВАДЖО. На юг. В горы.

ЛЕНА. Потом в Неаполь?

КАРАВАДЖО. Потом в Неаполь.

ЛЕНА. Сраный Неаполь.

КАРАВАДЖО. Сраный Неаполь.

Тихо смеются.

ЛЕНА. Дыра.

КАРАВАДЖО. Хуже нет.

ЛЕНА. Там пожирают маленьких, в этом Неаполе.

КАРАВАДЖО. Говорят, они вкусные.

ЛЕНА. Лучше поторопиться.

КАРАВАДЖО. Лучше.

ЛЕНА. Они знают, что мы знакомы.

КАРАВАДЖО. Уже нет.

ЛЕНА. Наверное, нет. Жаль.

КАРАВАДЖО. Жаль.

Молчание.

Да. Пора.

Молчание.

ЛЕНА. Мне приснилось, я стою в комнате, очень красивой комнате. Залитой светом. Картины на стенах. Все твои. Я стою посреди комнаты, но не вижу себя на картинах. Я смотрю на них, смотрю вверх и вижу, как ты смотришь на меня сверху. Ты счастлив. Всё позади. Ты обрёл покой. Я опустила глаза, посмотрела на стены вокруг и на всех картинах опять увидела тебя. Даже если ты ушёл от меня, они-то остались, а с ними и ты. И я начала смеяться. Потому что до меня вдруг дошло: ты же смотришь на них сверху вниз, а значит видишь всё вверх ногами. И тогда я поняла, что мы всё-таки победили, мы перевернули мир вверх ногами, козёл и потаскуха, педик и его женщина.

КАРАВАДЖО. Лена.

ЛЕНА. Лелло.

КАРАВАДЖО. Магдалена.

ЛЕНА. Караваджо.

КАРАВАДЖО. Погуляем в лесу напоследок.

ЛЕНА. Нет. Срубили. Нет больше леса. Не стало деревьев, ни птиц, ни фигур, ни красок. Дева лесная – дешёвая потаскуха, а единорог – безмозглый козёл. Господи Иисусе, спаси их обоих. Что они такое? Ну, та потаскуха, она усталая женщина, а мой козёл, тот – сломленный единорог.

КАРАВАДЖО. Я понял. Ну, вот и всё?

ЛЕНА. Ты будешь жить.

КАРАВАДЖО. Мы умрём.

ЛЕНА. Умрём.

КАРАВАДЖО. Но не вместе.

ЛЕНА. Нет? Думаешь, нет?

Молчание.

Беги. Уже почти утро. И я ничего не знаю. Ничего. Иди. Вот. (*Даёт Караваджо ещё денег.*)

КАРАВАДЖО. Увидимся.

ЛЕНА. Увидимся.

Караваджо уходит. Лена убирает окровавленные полотенца. Слышится голос Лючио.

ЛЮЧИО (за сценой). Сударыня!

Молчание.

Караваджо!

Молчание.

Сударыня!

ЛЕНА. Что?

ЛЮЧИО. Вы дома?

ЛЕНА. Кто ты? Чего тебе надо?

ЛЮЧИО. Это я, Лючио. Я был тут недавно. Можно войти?

ЛЕНА. Кто там с тобой?

ЛЮЧИО. Приятель, Антонио. У нас тут добро из дворца. Вы сказали, можно сюда принести.

ЛЕНА. Заходите.

ЛЮЧИО. Пошли.

Волоча за собой мешок с краденым, входят Лючио и Антонио.

А он где? Караваджо?

ЛЕНА. Караваджо? А кто это? А, да, художник! Знавала его когда-то. Давненько уж не видала. Нет, не скажу, что знакома. Уж не признаю даже. Сам-то знаком с ним?

ЛЮЧИО. Я? Нет.

ЛЕНА. Ищешь его?

ЛЮЧИО. Чего мне его искать?

ЛЕНА. А чего кому-то его искать?

ЛЮЧИО. А, я понял.

ЛЕНА. Хорошо. А он?

АНТОНИО. Вообще не понимаю, про что вы тут оба.

ЛЮЧИО. Да ничего. Он недоразвитый.

АНТОНИО. Не недоразвитый я!

ЛЮЧИО. Сразу ясно, что недоразвитый, раз говоришь, что нет.

АНТОНИО. Что ты хочешь, чтоб я сказал? Я недоразвитый?

ЛЮЧИО. Ну вот и сказал. Все тебя слышали.

АНТОНИО. Да ни хрена я не недоразвитый.

ЛЕНА. Вы, два урода, прекратили орать, ночь на дворе. Чего притащили?

АНТОНИО. Таскал на себе эту тяжесть с самого убийства...

ЛЮЧИО. Какого убийства?

АНТОНИО. Да мужика, этого...

ЛЕНА. Какого мужика?

ЛЮЧИО. Не знаю я никакого мужика. Не видели мы никакого убийства. Забыл?

ЛЕНА. Он-то забыл, а ты?

АНТОНИО. Да, забыл. Извините. Я малость тупой. Мне всё надо проговорить...

ЛЮЧИО. Видите, говорю же – он недоразвитый.

Антонио хватает Лючио за грудки. Они дерутся. Лена открывает мешок с награбленным, достаёт оттуда потир³, золотое распятие, серебряную чашу и, наконец, красный плащ.

АНТОНИО. Сдаёшься?

ЛЮЧИО. Никогда.

АНТОНИО. Сдаёшься?

Лючио пронзительно кричит.

Сдавайся.

ЛЕНА. Молодцы. Хороший товар. Кой-чего стоит.

Драка прекращается.

АНТОНИО. Сколько?

ЛЮЧИО. Где дают лучшую цену?

---

³ Потир – сосуд для христианского богослужения, применяемый при освящении вина и принятии святого причастия.

ЛЕНА. Навона. Позвольте представиться, господа. Лена, завсегда пята Навоны. Я знаю, кого спросить. Надёжно. Вечером приходите. Одно условие. Это – моё.
(*Поднимает красный плащ.*)

АНТОНИО. Как это ваше?

ЛЕНА. Это моего друга. Я приберегу для него.

АНТОНИО. Это будет вам стоить.

Лена щиплет Антонио за ухо.

ЛЕНА. Да ну?

ЛЮЧИО. Это всё, чего вы хотите?

ЛЕНА. Для себя – да.

ЛЮЧИО. Зачем?

ЛЕНА. На память.

АНТОНИО. А чьё это?

ЛЮЧИО. Мужика вашего?

АНТОНИО. Где он вообще?

ЛЕНА. Смотрит на нас сверху вниз и всё видит. Он нас видит сейчас. Да, ты бы ему понравился.

АНТОНИО. Правда?

ЛЕНА. Снимай одежду.

АНТОНИО. Прошу прощения?

Лена поднимает золотое распятие.

ЛЕНА. Повелеваю тебе во имя Отца, и Сына, и Святого Духа скинуть одежду.

АНТОНИО. Но вы женщина!

ЛЕНА. Именем Христа прокляну, если не снимешь.

Антонио спешно раздевается.

АНТОНИО. Никогда перед женщиной не раздевался.

ЛЕНА. Неисповедимы пути Господни.

АНТОНИО. А теперь что?

Лена накидывает на Антонио красный плащ, придаёт его телу нужную позу, ставит сбоку крест Иоанна Крестителя.

Дурь.

ЛЕНА. Дурь. (*Любуется композицией.*) Да. Да. Что, Караваджо, видишь его? Красивый, да? Слышишь меня? Видишь нас? Жизнь идёт, и идёт, и, слава Господу нашему Иисусу, крестную муку принявшему, идёт. Видишь? Видишь. Ты видишь его, Караваджо? Видишь? (*Смеётся.*)

Музыка.

Свет.

Смех Караваджо. Тьма.

Перевод с английского: Шишин Павел Александрович

pavel.shishin@gmail.com

www.pavelshishin.ru